ЛЕКЦІИ

ФИЛОСОФІИ

профессора Московской Духовной Академіи

протоіерея

Ѳ. А. Голубинскаго.

1. Біографическій очеркъ и характеристика его лекцій. 2. Введеніе [illegible]. 3. Введеніе въ Мета[illegible]

Изъ Чтеній въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія.

МОСКВА.

Типографія Л. Ѳ. Снегирева. Остоженка, Савеловскій. пер., д. Снегиревой.

1884 г.

МЕТАФИЗИКА.

1. Онтологія.
2. Богословіе.
3. Пневматологія.
4. Космологія.

Лекціи Философіи.

ОНТОЛОГІЯ *).

ВВЕДЕНІЕ.

Исторія Онтологіи.

Онтологія въ первый разъ является въ сочиненіяхъ Платона не въ связномъ, впрочемъ, видѣ. Онтологическія и гносеологическія идеи разсѣяны у него по разнымъ мѣстамъ его твореній. Ученикъ Платона Аристотель привелъ всѣ по предмету сему изслѣдованія въ довольно стройный систематическій порядокъ. Далѣе, въ средніе вѣка она пополнена была и расширена до чрезмѣрности такими утонченными понятіями, кои болѣе показывали игру разума, нежели точность и основательность, отъ чего она въ послѣдствіи возбудила отвращеніе во многихъ мыслителяхъ. Во времена Декарта не только не почиталась нужною эта наука, но напротивъ часто была осмѣиваема. Въ школѣ самого Картезія она замѣнена была изслѣдованіемъ того, что душа, отрѣшившись ото всего чувственнаго, находитъ въ себѣ, въ принадлежащихъ ей идеяхъ, — первое, основное, твердое; а за симъ непосредственно начиналось уже

*) Печатается на основаніи двухъ рукописей покойнаго протоіерея В. Г. Назаревскаго. Вторая изъ нихъ—болѣе подробная, но къ сожалѣнію въ ней есть перерывы, въ слѣдствіе чего Онтологія будетъ печататься по первой рукописи, а вторая будетъ служить дополненіемъ первой Ко времени печатанія Лекцій по Онтологіи въ бумагахъ В. Г. Назаревскаго нашлись автографическія записки (частію перомъ, частію карандашемъ) самаго Ѳ. А. Голубинскаго, но онѣ представляютъ только бѣглый афористическій набросокъ мыслей для лекцій, который можетъ быть напечатанъ въ видѣ приложенія. Примѣчательно, что въ началѣ каждой лекціи профессоръ прочитывалъ дома главу изъ Библіи и въ заголовкѣ своихъ замѣтокъ ставилъ первыя слова прочитаннаго.

Богословіе. Варухъ Спиноза хотѣлъ построить свою систему по методу математическому, поставивши, въ основаніе, какъ аксіомы, общія нѣкоторыя понятія о единой субстанціи и образѣ ея проявленія и, такимъ образомъ, далъ своей системѣ грозную крѣпость, такъ что съ большою остротою нужно было проникать и взвѣшивать первыя его основоположенія, дабы отвергать слѣдствія, строго логически выведенныя изъ своихъ началъ. Это побудило послѣдователей Лейбница возстановить Онтологію. Многое нужное внесено было ими въ Онтологію, впрочемъ, много есть излишняго и даже несвязнаго. У самого Лейбница она замѣнена была монадологіею, въ которой онъ хотѣлъ преимущественно раскрыть, какимъ образомъ основаніемъ всего сложнаго и измѣняемаго служитъ простое и самостоятельное. Вольфъ еще болѣе позаботился о возстановленіи Онтологіи, но онъ не имѣлъ общаго и точнаго понятія о сей наукѣ и отъ того лишенъ былъ основного начала, изъ коего могъ бы вывести въ связи и систематическомъ порядкѣ положенія своей системы и опредѣлить коренныя свойства существъ. Такимъ образомъ въ отношеніи къ систематическому порядку предметовъ Онтологія Вольфа есть нѣчто несвязное; въ ней нѣтъ основанія, почему одна глава слѣдуетъ за другою. Касательно же самой сущности, въ его Онтологіи находится много посторонняго, неотносящагося къ предмету; его положенія извлечены частію изъ опыта, частію изъ разума и не относятся къ главной господствующей силѣ духа, — къ уму; напр. находятся у Вольфа разсужденія о пространствѣ и времени, только какъ о понятіяхъ эмпирическихъ; разсужденія de toto et partibus, de eodem ac diverso, de signo ac signato, относящіяся къ разуму или логикѣ; но нѣтъ разсужденій de substantia et infinito и другихъ нѣкоторыхъ, которыя собственно принадлежатъ уму. Больше единства получила Онтологія у кантіанцевъ; но еще менѣе соотвѣтствуетъ цѣли — служить руководствомъ въ изслѣдованіи предметовъ метафизическаго ученія. Здѣсь — правда, всѣ понятія объ общихъ свойствахъ существъ выводятся изъ началъ разума и главнымъ образомъ изъ дѣятельности познавательной силы; особенно симъ занимается Кантъ въ своей „Критикѣ чистаго разума“, но онъ не раскрываетъ,

дѣйствительно ли понятіямъ соотвѣтствуютъ самыя вещи. Главный недостатокъ открывается въ томъ, что Кантъ, введши строгій порядокъ (ибо онъ начинаетъ отъ чувственности и восходитъ къ высшимъ силамъ, показывая, какъ внѣ насъ существующія вещи отражаются въ каждой способности), опустилъ важнѣйшую часть Онтологіи,—изслѣдованіе бытія вышечувственнаго, Существа Безконечнаго и свойствъ Его. Самыя силы духа человѣческаго очень сжаты, заключены въ тѣсныхъ предѣлахъ, всѣ познанія ограничены міромъ чувственнымъ. Категоріи разума и производимыя изъ нихъ законы имѣютъ будто примѣненіе только въ мірѣ чувственномъ. Доказывается, что всѣ умозаключенія разума касательно высшихъ существенныхъ истинъ обоюдны и разнородны. Такимъ образомъ Онтологія, изложенная Вольфомъ и Кантомъ, не можетъ служить руководствомъ въ изслѣдованіи метафизическаго знанія.

Пантеистическая философія, начиная съ чистаго понятія о бытіи, переходитъ къ понятію „ничто“, а потомъ далѣе, совмѣщая то и другое, выводитъ третье понятіе о бытіи измѣняющемся. Это мысль о значеніи противоположностей была высказана прежде Гегеля Шеллингомъ, который такъ начинаетъ свою трансцендентальную философію: „дайте мнѣ двѣ противоположности взаимныя, и изъ нихъ я построю вамъ все. Гегель на сихъ началахъ основалъ свою философію, но онъ приложилъ къ ней ученіе Гераклита о противоположностяхъ, находящихся въ постоянной борьбѣ. Небытіе, ограничивающее собою другое бытіе, можетъ быть названо границею, а изъ сего понятія границы вытекаетъ понятіе качества, т е того, безъ чего предметъ не можетъ быть тѣмъ, что онъ есть. И такъ съ бытіемъ связано небытіе; бытіе не можетъ избѣжать перемѣны, а изъ нея можно вывести понятіе пеконечаемости; потому что предметъ постоянно перемѣняется, и перемѣны его безконечны. Но это плохоя безконечность, въ которой заключается и положеніе и отрицаніе. Вещь становится не тѣмъ, чѣмъ была,—это отрицаніе; на мѣсто ея является новая,—это положеніе. Истинно безкопечное и въ самомъ себѣ остается такимъ: оно заключаетъ въ себѣ весь рядъ нескончаемыхъ перемѣнъ. Главное начало философіи по Гегелю есть абсолютное, но

напрасно онъ сливаетъ его съ измѣняемымъ, говоря, что оно проявляется въ измѣненіяхъ: ибо оно неизмѣняемо. Въ этомъ главная ошибка Гегеля. Далѣе, по Гегелю, является бытіе абсолютнаго для себя; все его исхожденіе вовнѣ восходитъ опять въ единое. Вотъ точка зрѣнія Ксенофана, который сказалъ: Богъ есть нѣчто, единое и все. У Гегеля иное вовлекается въ единое, бытіе множественности есть безпредѣльное самопроизведеніе единаго. Все это имѣетъ смыслъ при допущеніи главнаго начала пантеизма. Возвратъ множественности въ единство есть всесовокупность, которая есть сумма многихъ единицъ. Здѣсь открывается понятіе количества. Границы всегда отлагаются, и потому количество по своей природѣ безконечно. Одинаковость многаго есть непрерывность, а гдѣ связь прерывается, тамъ есть раздѣльность. Когда мы представляемъ предѣлъ между частями раздѣльными, тогда рождается понятіе величины экстенсивной или мѣры и интентенсивной или качества. Сущность есть вполнѣ раскрывшееся понятіе для себя бытія. По мнѣнію Гегеля, для сущности необходима видимость, и сущность выходитъ изъ понятія количества. Сущность понимается, какъ вполнѣ разъяснившееся для себя бытіе.

Въ бытіи, говорилъ Гегель, все непосредственно; въ сущности все посредствуется, но эти понятія должны быть уже при представленіи качества. Далѣе, говорилъ Гегель, Богъ есть сущность, тожество вещей, въ Немъ все посредствуется. Затѣмъ отъ понятія тожества онъ отличаетъ понятіе различія, но различіе непротивоположно тожеству, а есть его повтореніе; всякая вещь тожественна сама съ собою и различна съ другими. Каждое изъ различныхъ понятій не то, что другое, а всѣ они — тоже. Противорѣчіе необходимо во всѣхъ вещахъ, оно — рожденіе вещей. Изъ этого понятія выходитъ понятіе основанія. Богъ есть основаніе вещей, проявляющееся въ нихъ, потому между Нимъ и Его произведеніемъ есть единство. Тожество матеріи или формы есть содержаніе. Тожество свойства и сущности вещей составляютъ ея бытіе. Свойства суть условія бытія вещи. Такая вещь, которая сама въ себѣ содержитъ всѣ условія бытія, есть сущность абсолютная, есть и Божество. Онтологія Гегеля обѣщаетъ слишкомъ много — вывести изъ мыш-

ленія бытіе всего сущаго, даже бытіе абсолютнаго Духа, но она не выполняетъ своихъ обѣщаній; потому что главное начало Гегеля ложно и выводъ однихъ понятій изъ другихъ натянутъ и произволенъ, въ выводахъ Гегеля часто въ произведеніи болѣе, нежели въ причинѣ. Перемѣнъ и противоположности, происходящихъ въ конечныхъ существахъ, нельзя прилагать къ Безконечному, и нельзя сливать Его съ конечнымъ. Такъ у Гегеля натяжно выведено все изъ ничего. Завлекательна была для философа мысль о развитіи всего изъ ничего; онъ видѣлъ въ природѣ развитіе опредѣленнаго бытія изъ неопредѣленнаго, напримѣръ въ растеніяхъ. Гегель хотѣлъ эту мысль приложить и къ Безконечному, къ Его бытію. Вотъ въ чемъ ошибка Гегеля. Кантъ хотѣлъ приложить это только къ конечному, а Гегель и жизнь Безконечнаго хочетъ производить изъ пустаго, неопредѣленнаго; онъ говоритъ, что когда въ начало дается опредѣленная мысль, то это произволъ, чтобы его не было, нужно гипотетически вывести изъ неопредѣленнаго опредѣленное, это первая ошибка, вторая состоитъ въ неправильности и натянутости самыхъ выводовъ.

Необходимость Онтологіи, ея предметъ и части.

Онтологія составляетъ необходимую часть Метафизики; она содержитъ положенія, которыя во всѣхъ другихъ частяхъ Метафизики приводятся какъ извѣстныя основанія. Между тѣмъ мы не находимъ еще удовлетворительной и по содержанію систематически изложенной Онтологіи.

Итакъ намъ самимъ нужно разсмотрѣть, какой предметъ и какой планъ должна имѣть Онтологія?

Онтологія получила свое названіе отъ слова: ὄν—сущее. У Платона есть ученіе περὶ τοῦ ὄντος, или περὶ τοῦ εἶναι—о сущемъ, которое онъ принималъ въ двухъ значеніяхъ. Въ общемъ смыслѣ ὄν у Платона означало не ничто, нѣчто (aliquid), когда оно относилось къ бытію феноменальному, то называлось иначе—γένεσις. Въ тѣснѣйшемъ, строгомъ смыслѣ Платонъ подъ названіемъ ὄν — понималъ истинно, сущее, всегда себѣ равное, неизмѣняющееся бытіе, для означенія котораго къ названію ὄν присоединялъ τὸ ὄντως—

(бытіе истинное). Этимъ онъ выражалъ положеніе сущаго безусловное, постоянное, соотвѣтствующее вѣчнымъ идеямъ Ума Божія. Въ отличіе отъ бытія феноменальнаго, которое называлось γενεσις, Платонъ истинное бытіе называлъ еще οὐσια. Впрочемъ между идеями и существами являющимися, по ученію Платона, есть союзъ —подобіе; идеи суть первообразы (πρωτότυπα), а существа являющіяся ἔντυπα. Такъ напримѣръ идея о прекрасномъ есть οὐσία или ὄντων ὄν, а видимые прекрасные предметы, какъ бы участки этой идеи суть γένεσις. Ученіе о томъ, что есть ὄντως ον, или οὐσία, ученіе объ истинныхъ, самимъ себѣ равныхъ свойствахъ сущаго, а не о томъ, что существуетъ въ пространствѣ и времени и было предметомъ Платоновой Онтологіи. Но въ этомъ ученіи нельзя не видѣть односторонности, существуетъ не одно неизмѣняемое, но имѣютъ также дѣйствительное бытіе и всѣ вещи, ограничиваемыя пространствомъ и временемъ. Потому что и здѣсь есть дѣйствованіе силъ, съ тѣмъ только различіемъ, что въ бытіи вѣчномъ дѣйствованіе силъ не подлежитъ никакимъ перемѣнамъ... Хотя пространство и время не носятъ въ себѣ признака вѣчности: но они суть общія свойства, принадлежащія ограниченнымъ существамъ.

Впрочемъ, Онтологія не обязана изслѣдывать всѣ свойства вещей, которыхъ безчисленно много, но только всеобщія и коренныя... Иначе она стала бы наукою неимѣющею предѣловъ. Возмемъ, напримѣръ, матеріальныя тѣла: бытіе въ пространствѣ есть всеобщее неотъемлемое ихъ свойство, въ соотвѣтствіи тому форма пространства есть необходимый законъ всѣхъ нашихъ чувственныхъ представленій о внѣшнихъ предметахъ; эта форма дана душѣ нашей прежде всякаго опыта; душа рождается съ этимъ направленіемъ, чтобы искать существъ, положенныхъ одни внѣ или подлѣ другихъ. Но какъ это всеобщее свойство (т. е. существованіе въ пространствѣ) открывается въ безчисленномъ множествѣ разнообразныхъ предметовъ: то разсѣяваться по этой безчисленности предметовъ не есть дѣло Онтологіи. Итакъ чтобы Онтологія могла имѣть опредѣленныя границы, она должна сообщить понятія не просто о свойствахъ вещей, но о всеобщихъ и коренныхъ ихъ свойствахъ. Кромѣ того она долж-

на изслѣдовать коренныя всеобщія основанія всего существующаго. Безъ этого изслѣдованія Онтологія остановилась бы на предметахъ только опыта и не восходила бы далѣе. Между тѣмъ для ея твердости и полнаго удовлетворенія требованіямъ разума необходимо нужно знать самыя послѣднія основанія всему дѣйствительно сущему, то-есть, почему и для чего въ опытѣ существуетъ то, что существуетъ, какіе коренные законы, силы и цѣли, на которыхъ все держится и гдѣ наконецъ средоточіе или источное начало всякаго бытія.

Итакъ сущность Онтологіи состоитъ въ томъ, чтобы сообщить понятіе о всеобщихъ коренныхъ свойствахъ вещей и о необходимыхъ основаніяхъ бытія ихъ.

Части Онтологіи и ихъ расположеніе. Мы сказали, что главная задача Онтологіи состоитъ въ изслѣдованіи бытія вообще, поэтому она должна предварительно сдѣлать обзоръ всего существующаго, то-есть, полнота этой науки зависитъ отъ изслѣдованія бытія какъ конечнаго или ограниченнаго, такъ и Безконечнаго, изъ которыхъ, такъ сказать слагается вся совокупность существующаго. Путь которымъ не необходимо идти въ этомъ изслѣдованіи долженъ быть восходящій отъ низшаго къ высшему, отъ ближайшаго и непосредственно извѣстнаго къ дальнѣйшему, отъ конечнаго къ Безконечному. Какъ Опытная Психологія начинаетъ свои изслѣдованія съ низшихъ чувственныхъ способностей и переходитъ къ высшей силѣ ума: такъ и Онтологія, начиная съ бытія подлежащаго чувствамъ, должна восходить къ бытію, которое познается умомъ, т. е. къ Существу Безконечному.

Такимъ образомъ первое отдѣленіе Онтологіи составится изъ изслѣдованія о томъ, подлинно ли и съ какими коренными свойствами существуетъ то, что мы познаемъ посредствомъ чувствъ внѣшнихъ и внутренняго; второе отдѣленіе составится изъ изслѣдованія — о томъ, существуетъ ли что выше опытное, какъ истинное основаніе видимаго бытія, и съ какими коренными свойствами оно существуетъ, т. е. изъ ученія о Существѣ Безконечномъ въ Его идеѣ.

Первое отдѣленіе Онтологіи.

О всеобщихъ и коренныхъ свойствахъ бытія конечнаго.

Необходимость изслѣдованія вопроса о бытіи вообще. Первый вопросъ, который Онтологія должна разрѣшить прежде всего можно выразить такъ: an aliquid existit,—существуетъ ли что нибудь? вопросъ этотъ по видимому, излишній, если руководствоваться простымъ увѣреніемъ всеобщаго чувства, которое ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что существуемъ мы, и предмегы внѣ насъ. Но въ области философіи были такіе мыслители, которые подавляли, такъ сказать, это непосредственное увѣреніе всеобщаго чувства. Одни (идеалисты) сомнѣвались въ бытіи внѣшнихъ предметовъ, другіе (Скептики) подвергали сомнѣнію важнѣйшія основанія и начала, на которыхъ держится весь составъ знанія, иначе же простирали свое сомнѣніе на все и усиливались утверждать свое сомнѣніе доводами, часто довольно строгими, таковъ напримѣръ былъ Давидъ Юмъ, отвергавшій начало достаточной причины. Итакъ необходимо оградить твердыми основаніями увѣренность всеобщаго чувства въ дѣйствительномъ бытіи существующаго отъ всѣхъ сомнѣній и возраженій. Прежде самаго бытія (existentia) нельзя представить себѣ что нибудь такое, что могло бы служить основаніемъ для самаго бытія. Оно есть первое, само изъ себя извѣстное. Можно собирать черты, которыя, впрочемъ, суть только обнаруженія бытія, но онѣ не прежде его и не выше его. Понятіе бытія есть самое коренное въ отношеніи къ которому всѣ прочія понятія суть не что иное, какъ разныя стороны, служащія къ раскрытію и объясненію того, что уже предполагается въ бытіи. Итакъ чтобы изслѣдовать, имѣетъ ли что нибудь бытіе, нужно напередъ составить понятіе о самомъ бытіи.

Опредѣленіе бытія у разныхъ философовъ и критическій разборъ его. Въ школѣ Вольфа бытіе опредѣлялось такъ: Existentia est complementum possibilitatis — бытіе есть долполненіе возможнаго. Вольфіанцы представляли себѣ это такъ: для возможнаго довольно, чтобы оно оставалось только въ мысляхъ, какъ незаключающее въ себѣ противорѣчія, но когда далѣе мыслей дополняется нѣчто, то это и есть бытіе.

Но этимъ не объясняется бытіе, а только показывается отношеніе дѣйствительнаго къ возможному. Но самое—то бытіе гораздо далѣе, нежели объясненіе. Чтобы понять, что это за дополненіе, надобно уже имѣть понятіе бытія и при томъ, что такое это нѣчто, которое дополняется, это совершенно непонятно.

У Локка опредѣленіе бытія нѣсколько яснѣе: existentia est positio rei ubi et quando, бытіе есть то, что находится въ пространствѣ и времени. Это опредѣленіе понятнѣе, чѣмъ Вольфіанское; ибо представленіе мѣста и времени, повидимому, совершенно терялось бы въ потокѣ мыслей, если бы оно не опредѣлялось дѣйствительно существующимъ. Впрочемъ нельзя принять и этого опредѣленія. Оно очень идетъ ко всѣмъ почти ограниченнымъ существамъ. Но какъ можно приложить оное къ Существу Высочайшему, которое безпредѣльно, выше всякаго пространства и времени, существуетъ вездѣ и всегда; а слова: гдѣ нибудь и когда нибудь, необходимо вносятъ ограниченность въ понятія Безконечнаго Существа. И въ области ограниченныхъ существъ многое не подчинено пространству и времени, напримѣръ, законы существъ и пр. Многое, что существуетъ въ умѣ, переходитъ въ конечное тогда, когда оно переходитъ въ дѣйствительныя формы, но законы существъ современны субстанціи, а субстанціи хотя конечны, но прежде появленія ихъ во времени и самые законы ихъ существованія уже были отъ вѣка въ умѣ Божественномъ. Потому опредѣленіе Локка, что бытіе должно находиться въ пространствѣ и времени, неприложимо ко многому и въ существахъ ограниченныхъ, напримѣръ, къ дѣйствіямъ души нашей, которыя не связываются пространствомъ, но ограничиваются только закономъ времени и, слѣдуютъ одно послѣ другаго.

По Швейблеру: existentia est positio rei extra suas causas, бытіе есть положеніе чего либо внѣ своихъ причинъ. Но это опредѣленіе не очень ясно и не обнимаетъ всего; Швейблеръ хотѣлъ выразить болѣе различіе дѣйствительнаго отъ возможнаго, представляя первое находящимся внѣ своихъ причинъ. Но это опредѣленіе въ ограниченномъ мірѣ не обнимаетъ всего, напримѣръ, въ умѣ какого либо писателя готовъ планъ сочиненія; ужели оно не существуетъ дѣй-

ствительно, когда оно уже образовалось внутри своей причины? Въ умѣ сочинителя, конечно, существуетъ. Дѣйствительно существующее можетъ быть и внутри своей причины. Такъ въ умѣ Творца вселенной идеи объ устроеніи ея были отъ вѣчности, хотя онѣ еще и не проявлялись вовнѣ, въ твореніи, которое появилось во времени, за извѣстное число вѣковъ до настоящаго; тѣмъ не менѣе эти творческія идеи имѣли дѣйствительное, а не возможное только бытіе. Потому что Творецъ, какъ въ существѣ Своемъ, такъ и въ томъ, чѣмъ наполняется Его бытіе, не подлежитъ времени. Нельзя сказать, чтобы во всесовершенномъ умѣ Его идеи о сотвореніи вселенной явились только со времени ея устроенія, а не отъ вѣчности. И самая вселенная созданная во времени по вѣчнымъ идеямъ Творца не имѣетъ такого отдѣленія отъ своей первопричины, чтобы могла поддерживать бытіе свое сама собою, въ полномъ отрѣшеніи отъ нея. Богъ, какъ неограниченный пространствомъ, своимъ существомъ и вседѣйствіемъ наполняетъ вселенную и вездѣ присутствуетъ, поддерживая бытіе всего сотвореннаго Имъ; потому нельзя сказать, чтобы міръ, явившійся во времени, продолжалъ бытіе свое внѣ своей причины. Поэтому опредѣленіе бытія у Швейблера, кромѣ неясности, страдаетъ еще недостаткомъ полноты, не обнимаетъ собою всего дѣйствительно существующаго, какъ въ мірѣ конечномъ, такъ и въ Существѣ Безконечномъ.

Баумгартенъ опредѣляетъ бытіе такъ: existentia est id quod est quoad omnia essentialia, naturalia, accidentalia attributa determinatum, т. е. бытіе есть то, что опредѣлено по всѣмъ существеннымъ, существеннымъ и привходящимъ принадлежностямъ. Это опредѣленіе не ясно, при томъ, не все въ дѣйствительности опредѣлено. По мыслямъ Баумгартена, это должно понимать такъ, что бытіе есть то, что опредѣлено въ мысляхъ: но въ чьихъ? въ мысляхъ ума человѣческаго? но мы знаемъ, что существуетъ много и неопредѣленнаго для ума человѣческаго, напротивъ въ представленіяхъ человѣка много опредѣлено такого, что на самомъ дѣлѣ не существуетъ Кантъ справедливо замѣчаетъ что и для чувственнаго воззрѣнія всякій предметъ неисчерпаемъ, иначе сказать неопредѣленъ, тѣмъ болѣе должно ска-

зать это о предмѣтахъ умопостигаемыхъ. Если говорить объ опредѣленіи въ идеяхъ ума Творческаго: то вѣрно, что ими отъ вѣка опредѣлено существующее, по всѣмъ своимъ принадлежностямъ. Но къ дѣйствительнымъ существамъ опредѣленіе по всѣмъ существеннымъ и случайнымъ свойствамъ, не относится; потому что никакая ограниченная субстанція не имѣетъ всего того, что можетъ имѣть по своей сущности, завтра я могу имѣть то, чего нѣтъ еще сегодня. Какъ же можно сказать, что въ дѣйствительномъ бытіи опредѣлены и случайные признаки, или принадлежности его? Правда, въ каждомъ дѣйствительномъ существѣ съ начала бытія его вся сущность опредѣлена и ограничена, но развитіе силъ существа въ дѣйствительной жизни идетъ постепенно и не имѣетъ конца, или предѣла, до котораго оно не простиралось бы; потому determinatio здѣсь не можетъ имѣть мѣста.

Кантъ опредѣляетъ бытіе такъ: если предметъ такъ согласуется съ нашимъ мыслящимъ субъектомъ, что не противорѣчитъ законамъ a priori, то онъ существуетъ. Или: бытіе есть то, что на самомъ опытѣ дѣйствительно возбуждаетъ представленія, но это опредѣленіе односторонее. Потому что дѣйствительно существующее имѣетъ бытіе, хотя бы никто не представлялъ его такимъ, и не зналъ о его существованіи.

Лучше всѣхъ предъидущихъ опредѣленіе Лоссія; бытіе состоитъ въ томъ, когда силы не покоятся, но дѣйствуютъ, то есть, бытіе есть дѣйствованіе силъ, проявленіе сущности: existentia est operatio virium, manifestatio existentiae. Это понятіе не выражаетъ чего либо посторонняго, какъ и другія опредѣленія бытія и не ограничиваетъ бытія одною областію существъ конечныхъ. Можно объяснить себѣ такъ это понятіе бытія; возмемъ какое нибудь существо, станемъ разсматривать его качества, свойства, отдѣлимъ качества случайныя, за симъ останутся силы и законы силъ; углубившись далѣе, дойдетъ какъ бы до самаго узла силъ—субстанціи. Теперь за всѣми сими качествами, свойствами, силами можно представлять нѣкоторое состояніе, въ которомъ они помѣщаются или не помѣщаются. Доселѣ все оное было какъ бы преходящимъ въ нашихъ мысляхъ, но когда мы спрашиваемъ: совокупность всѣхъ сихъ силъ имѣетъ ли о-

предѣленное положеніе? то уже мы выступаемъ изъ области нашихъ мыслей, поколику не смотримъ на самыя качества и свойства предмета, но ищемъ дѣйствительнаго обнаруженія ею внѣ насъ. И если находимъ внѣ нашихъ мыслей то, что представлялось намъ только подлежательно, то это и есть бытіе; ибо вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы представляемъ что либо внѣ насъ, необходимо представляемъ это дѣйствующимъ, какимъ бы то ни было образомъ, а это дѣйствованіе или обнаруженіе силъ, какъ выше сказано, и есть то, что мы называемъ бытіемъ. Впрочемъ подъ обнаруженіемъ силъ не надобно разумѣть наружныхъ явленій, обнаруженія общаго въ частномъ, это будетъ относиться къ бытію конечному, но вообще дѣйствованіе силъ внѣшнее или внутреннее, въ частныхъ ли дѣйствіяхъ она проявляетъ свою сущность или цѣлымъ нераздѣльнымъ актомъ. Такъ, кажется намъ, ближе къ истинному понятію бытія представленіе дѣйствованія, хотя самое это представленіе не выводится изъ посредствъ, хотя дѣйствованіе есть только признакъ бытія, и не можетъ быть названо опредѣленіемъ его, но, по крайней мѣрѣ, можетъ отчасти объяснять бытіе и есть признакъ его вѣрный. Такъ мы останавливаемся на понятіи дѣйствованія, какъ признакѣ бытія, который ближе другихъ признаковъ.

Но скажутъ: не во всемъ существующемъ есть дѣйствованіе: для разрѣшенія этаго недоумѣнія вникнемъ подробнѣе въ понятія движенія и покоя. Въ субстанціи нѣтъ собственнаго покоя, въ душѣ напр. нашей, всѣ принадлежащія ей силы находятся въ состояніи движенія, которое они обнаруживаютъ или, по крайней мѣрѣ, стремятся къ свойственному дѣйствованію; еще до появленія человѣка на свѣтъ въ немъ есть силы питанія и возрастанія, болѣе они обнаруживаютъ себя при появленіи на свѣтъ; есть въ немъ чувство внутреннее, принятіе внѣшнихъ впечатлѣній, ощущеніе тепла и холода; если въ душѣ и не замѣтно бываетъ дѣйствованіе всѣхъ способностей, какія дѣйствительно принадлежатъ существу ея, то это зависитъ отъ ограниченности ея, при томъ и нераскрывающіяся ея силы не бываютъ въ совершенномъ покоѣ. Въ мірѣ матеріальномъ обыкновенно находятъ покой; но и въ немъ есть дѣятельность; самыя твердыя

массы состоятъ изъ частицъ, равновѣсіе силъ удерживаетъ эти частицы друга противъ друга, въ томъ и состоитъ внутренное ихъ дѣйствованіе; и тогда, когда разрушается сцѣпленіе частицъ, въ этомъ разрушеніи также обнаруживается дѣйствованіе; потому что въ разрушеніи есть движеніе распадающихся частицъ, а движеніе есть дѣйствованіе. Представимъ ли безкачественныя явленія, напр. тѣнь; но и въ ней есть дѣйствованіе, хотя несамостоятельное, а зависящее отъ тѣла, которое отбрасываетъ отъ себя тѣнь; оно имѣетъ очертаніе и производитъ дѣйствіе на органъ нашего зрѣнія.

Существуетъ ли что? Имѣя нѣкоторыя понятія о дѣйствительномъ бытіи, мы можемъ идти далѣе и отвѣчать на вопросъ: существуетъ ли что нибудь? при разрѣшеніи этого вопроса намъ надобно поставить себя на общей точкѣ съ скептиками и идеалистами и отсюда опровергать ихъ.

Понятіе о Скептицизмѣ. Скептицизмъ (σπέπσις) есть такой образъ мыслей, по которому не признается ничего твердаго, постояннаго, дѣйствительно существующаго, а то, въ чемъ увѣряютъ другіе, подвергается сомнѣнію.

Существуютъ ли чувственныя представленія? Первое, чего мы не можемъ подвергнуть никакому сомнѣнію, есть дѣйствительное бытіе нашихъ представленій. Когда кто сомнѣвается,—это значитъ, что онъ дѣлаетъ что-то приводитъ свои умственныя силы въ дѣятельность. Дѣйствительно, что дѣлаетъ скептикъ? онъ усиливается опровергнуть другаго, противополагая ему свои недоумѣнія, старается дать имъ нѣкоторую твердость, истинность. Слѣдовательно онъ не выдаетъ своихъ мыслей за мечты; онъ хочетъ научить чему-то. Итакъ скептикъ не можетъ не согласиться съ нами, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что дѣйствительно существуютъ его сомнѣнія, слѣдовательно и въ томъ, что есть въ немъ нѣкоторыя представленія, хотя колеблющіяся и измѣняющіяся.

Существуетъ ли субъектъ представляющій или наше я? Когда скептикъ говоритъ: *мнѣ* такъ кажется, *я* такъ думаю, то этимъ онъ ясно говоритъ, что это „кажется“ принадлежитъ ему; иначе онъ не могъ бы говорить *мнѣ* такъ кажется, или: *я* сомнѣваюсь. Сомнѣніе служитъ причиною того, что оно представляетъ то или другое мнѣніе, и ни

на одномъ не останавливается; не смотря на то о всѣхъ своихъ недоумѣніяхъ онъ говоритъ; „*я* такъ представляю“. Итакъ хотя представленія его суть нѣчто пробѣгающее, измѣняющееся: но самое его—*я* представляющее всегда остается тожественнымъ, постояннымъ и неизмѣняющимся. Потому скептикъ необходимо долженъ согласиться, что его *я* не есть мечта, а дѣйствительное существо, которое владѣетъ представленіями, къ которому всѣ они относятся, какъ дѣйствія къ своей причинѣ. Слѣдовательно *я*, какъ субъектъ представляющій, дѣйствительно существуетъ.

Но говорятъ: хотя сознаніе и свидѣтельствуетъ о единствѣ нашего—*я*, но это свидѣтельство не даетъ еще права безспорно признавать его дѣйствительно существующимъ. Итакъ неужели обманываетъ насъ и сознаніе? Дѣйствовать и сознавать себя единымъ, постояннымъ началомъ дѣятельности и между тѣмъ почитать за обманъ это самочувствіе, ближайшее къ своему предмету это верхъ нелѣпости! тогда всякое увѣреніе будетъ уже мечта, обманъ. Но отъ чего бы взяться такому обману? Самый обманъ долженъ имѣть свое основаніе въ чемъ-то существующемъ, какъ въ причинѣ, отъ которой онъ произошелъ, изъ ничего онъ не можетъ произойдти. Иначе это было бы слѣдствіе безъ начала, изъ ничего происходили бы представленія о чемъ либо. Скептицизмъ такого рода кажется возможнымъ только въ пантеизмѣ, который признаетъ все непосредственнымъ, дѣйствіемъ Божества и душу нашу не имѣющею самостоятельности; потому отъ сознанія ея дѣйствій столь же мало слѣдовало бы заключеніе къ ея субстанціальности, какъ если бы кто, слыша тоны свирѣли, сталъ увѣрять, что она собственною силою производитъ ихъ и слѣдовательно имѣетъ нѣкоторую самостоятельность. Но это значило бы переходить отъ одной крайности къ другой. Итакъ остается несомнѣннымъ, что если сознаніе свидѣтельствуетъ о нашемъ *я*: то оно въ самомъ дѣлѣ имѣетъ несомнѣнно дѣйствительное бытіе. Въ этомъ то смыслѣ надобно понимать положеніе Декарта: cogito, ergo sum. Здѣсь надобно присовокупить и то, что сознаніе во всѣхъ тожественно; иначе выдавать за ложь то, что всѣмъ принадлежитъ и замѣнять всеобщее живое чувство догадкою натянутою и отвлеченною, значитъ совер-

шенно отрѣчься отъ самаго себя, до такой крайности можетъ доходить скептицизмъ только самый отчаянный.

Существуютъ ли предметы внѣшнія? Когда въ нашей душѣ рождаются представленія, то мы примѣчаемъ, что они содержатъ подъ собою нѣчто, суть представленія о чемъ то отдѣльномъ отъ насъ. Скептикъ необходимо долженъ согласиться, что онъ знаетъ то, о чемъ говоритъ; ибо самъ различаетъ свои представленія одни отъ другихъ, этимъ онъ показываетъ, что мысли его имѣютъ то или другое содержаніе. А различіе содержанія показываетъ, что различны и предметы, обнимаемые нашими представленіями, иначе представленія не могли бы различаться между собою, такъ какъ уже доказано, что они суть не чистыя произведенія нашего—я, которое само въ себѣ единично и неизмѣняемо. Слѣдовательно внѣ нашего — *я* должно существовать, что нибудь. Но противъ этого возставали нѣкоторые изъ философовъ и образовали идеализмъ. Намъ нужно обратить вниманіе на скептицизмъ этого рода.

Понятіе идеализма, различные его виды и опроверженіе. Идеализмъ въ крайнемъ своемъ развитіи есть такой образъ мыслей, по которому допускается дѣйствительное бытіе, но производится оно и объясняется изъ нашего только *я*. Идеализмъ отличается отъ чистаго скептицизма только тѣмъ, что думаетъ найдти нѣчто твердое, постоянное именно въ нашемъ духѣ и внутреннихъ его законахъ. Самый крайній и единослѣдственный идеализмъ тотъ, который образовалъ Фихте. отвергавшій все, и признававшій даже Первоначало всякаго бытія порожденіемъ нашего—*я*; называя его идеею нравственнаго порядка, Фихте производилъ изъ нея все. — Но есть идеализмъ не полный. Такъ иные думали вовлечь въ самихъ себя весь кругъ бытія ограниченнаго, но сами относились къ Существу Высочайшему, Безконечному, представляя, что Оно открываетъ свои идеи уму нашему, который принимаетъ эти идеи; болѣе же ничего не признавали. Таковъ былъ идеализмъ Берклея. Другіе допускали бытіе и Высочайшаго Существа нашего познающаго духа и предметовъ внѣ насъ, но касательно познанія внѣшнихъ предметовъ утверждали, что душа наша сама изъ себя раждая всѣ представленія, образуетъ свои познанія, совершенно не-

зависимо отъ впечатлѣній внѣшнихъ предметовъ. Это идеализмъ Лейбница примиренный съ реализмомъ. Другіе говорили: знаемъ, что должно существовать нѣчто и въ насъ самихъ и внѣ насъ, знаемъ свои представленія и законы, по которымъ субъектъ нашъ дѣйствуетъ, даже увѣрены въ томъ, что должны быть и внѣшніе предметы; но что такое они сами въ себѣ суть, что такое и наша душа въ своей сущности, съ какими они свойствами этого никакъ не можемъ знать. Это идеализмъ низшей степени; его держался Кантъ.

Противъ идеализма Фихте сдѣлаемъ одинъ вопросъ: откуда взялись наши представленія? Сознаніе увѣряетъ насъ, что представленія наши имѣютъ начало. Если мы войдемъ въ самихъ себя, будемъ мысленно проходить рядъ нашихъ представленій прошедшихъ, то наконецъ дойдемъ до такого предѣла, которымъ заканчивается сей рядъ, за которымъ остается въ насъ нѣчто пустое, ничѣмъ не наполненное. Кантъ яснѣе представляетъ это, когда разсуждая о формахъ чувственныхъ представленій, раздѣляетъ пространство и время на чисто неопредѣленное и на эмпирическое, опредѣленное или ограниченное. Подъ послѣднимъ онъ разумѣетъ пространство и время, наполненные какъ бы различными предметами, какія только съ начала нашей жизни дѣйствовали и еще имѣютъ дѣйствовать на нашу способность представленій своимъ подлѣ — бытіемъ (extra-positio), или непрерывнымъ послѣдованіемъ однихъ за другими. Всѣ эти представленія предметовъ, когда либо дѣйствовавшихъ на насъ таковы, что мы можемъ мысленно выдѣлить ихъ изъ сознанія, и тогда въ душѣ нашей останутся одни только неопредѣленныя, ненаполненныя формы пространства и времени. Въ этомъ дѣйствительно и увѣряетъ насъ опытъ. Съ помощію памяти каждый изъ насъ можетъ дойти до такого предѣла своей жизни, о которомъ онъ не знаетъ ничего, кромѣ того, что оно существовало. За симъ слѣдуетъ такой періодъ жизни, о которомъ уже совершенно не знаетъ ничего. Теперь достигши того предѣла, которымъ оканчиваются наполненныя предметами формы пространства и времени и за которыми остается нѣчто ненаполненное, пустое, мы въ правѣ спросить идеалиста: на чемъ бы основывалось то, что эти ненаполненныя формы, данныя прежде

всякаго опыта и существенно принадлежащія намъ, обращаются въ послѣдствіи въ наполненныя, каковыя мы имѣемъ теперь? Почему душа наша не осталась сама въ себѣ съ одними чистыми своими способностями? Какъ ни строгъ былъ Фихте въ развитіи своихъ мыслей, но не могъ удовлетворительно отвѣчать, когда дѣло дошло до этого вопроса: откуда въ насъ то побужденіе, что наше—*я* не только познаетъ само себя; но и противополагаетъ себѣ не *я*? Почему выходитъ изъ себя, изъ своего спокойнаго, ровнаго и полнаго состоянія? Почему оставляетъ свою неопредѣленность и облагаетъ себя предѣлами? Въ реализмѣ это разрѣшается самымъ естественнымъ образомъ: потому душа и вступаетъ въ рядъ многообразныхъ представленій, что на нее дѣйствуетъ рядъ различныхъ, разнообразныхъ предметовъ, иначе представленія наши рождались бы изъ ничего, не имѣли бы никакого начала и возбужденіе нашихъ способностей къ воспріятію чего то внѣ насъ находящагося происходило бы совершенно отъ ничего, безъ причины. Слѣдовательно если есть въ душѣ нашей представленія о предметахъ, то происхожденіе ихъ не иначе можно объяснять, какъ изъ дѣйствія на насъ этихъ самыхъ предметовъ. Итакъ кромѣ представленій существуютъ предметы внѣ насъ, которыми и возбуждаются въ насъ различныя опредѣленныя представленія.

Далѣе противъ всѣхъ идеалистовъ разнаго рода и степени нужно удержать эту истину, что наши чувственныя представленія, точно соотвѣтствуютъ внѣшнимъ предметамъ, разумѣется, при извѣстныхъ условіяхъ, какъ то: при здоровомъ состояніи чувственныхъ органовъ познанія, при совокупномъ дѣйствіи чувствъ и надлежащемъ отношеніи ихъ къ предметамъ.

Возраженія противъ истинности чувственныхъ представленій.

1. Отъ свойства самыхъ предметовъ ихъ. Кантъ и Беркелей, сомнѣваясь въ точномъ соотвѣтствіи нашихъ представленій предметамъ представляемымъ, повидимому, имѣютъ благовидное основаніе своего мнѣнія, опираясь особенно на томъ, что предлежательная истина находится не

въ явленіяхъ, которыя мы познаемъ чувствами, но въ томъ, что скрывается за этими явленіями, то есть, въ невидимыхъ силахъ и законахъ существъ, но о сущности ихъ то мы и не можемъ получить никакого познанія изъ дѣйствій на насъ внѣшнихъ предметовъ, которые непрестанно измѣняются. Древніе выражали это такъ: дважды не перейдешь рѣки, то есть пусть, напримѣръ, я замѣчаю какое либо явленіе во внѣшнемъ мірѣ, перевожу образъ его въ мою душу и такимъ образомъ составляю представленіе о явленіи; но когда хочу приложить къ ряду предметовъ, которые на меня дѣйствовали, снятые съ нихъ образы, хочу опять свѣрить ихъ съ самыми явленіями, они уже утекли, подобно стремленію воды, непрестанно пробѣгающей и не останавливающейся; предметъ моего представленія уже не таковъ, не въ томъ положеніи и даже не съ тѣми свойствами, какія я прежде замѣчалъ въ немъ. Такимъ образомъ на основаніи измѣняемости вещей, познаваемыхъ чувствами, древніе доказывали недостовѣрность и неистинность нашихъ чувственныхъ представленій о вещахъ; даже и изъ новѣйшихъ лучшіе философы удержали это мнѣніе; впрочемъ послѣдніе не отвергали и реализмъ, по которому внѣшніе предметы или явленія суть болѣе, нежели ничто и менѣе, чѣмъ самая истина, суть какъ бы призрачная завѣса, стоящая между нашимъ мыслящимъ субъектомъ (силою мышленія) и субстанціальностію вещей, впрочемъ, чрезъ явленія, какъ призрачную завѣсу разумъ нашъ можетъ проникать въ коренныя свойства вещей, хотя не цѣлостно и не полно.

2. Возраженіе отъ свойства силы мыслящей. Въ позднѣйшія времена этотъ идеализмъ явился съ новою силою. По мнѣнію Канта, человѣкъ самымъ ближайшимъ образомъ, непосредственно занимается самъ собою, знаетъ только себя. Онъ непрестанно обнятъ своими представленіями, такъ что не можетъ выступить изъ круга ихъ. А чтобы повѣрить свои представленія съ самыми предметами ихъ и такимъ образомъ судить объ истинности первыхъ, надобно было бы поставить на одну сторону рядъ представленій, на другую рядъ предметовъ, самимъ же стать надъ тѣмъ и другимъ, чтобы видѣть, соотвѣтствуютъ ли они другъ другу. А какъ мы не въ состояніи сдѣлать это, то есть, стать

выше своихъ представленій, которыми мы, такъ сказать, обложены со всѣхъ сторонъ, и непрестанно живемъ въ нихъ: то мы никогда не можемъ сказать, что представленія наши точно соотвѣтствуютъ предметамъ представляемымъ. Въ этомъ состоитъ сила доводовъ, на которыхъ идеализмъ Канта, болѣе всего опирается. Одинъ изъ Голландскихъ мыслителей остроумно объясняетъ это подобіемъ: пусть субъектъ въ своихъ представленіяхъ будетъ однороденъ съ предметомъ, представляемымъ, но изъ сочетанія двухъ началъ всегда произойдетъ нѣчто третье, не показывающее свойствъ ни того, ни другаго. Какъ 5 и 3 составляютъ число 8, которое не есть ни 5, ни 3, такъ изъ соединенія подлежащаго съ предметомъ, изъ взаимнодѣйствія ихъ выйдетъ представленіе, которое не выражаетъ свойствъ ни того, ни другаго. Потому мы не можемъ свѣрять своихъ представленій съ самыми предметами, не обманывая самихъ себя.

Опроверженіе возраженій. Въ отвѣтъ на изложенныя возраженія прежде всего надобно сказать, что предметы по отношенію къ нашимъ представленіямъ суть не только причина (causa efficiens) ихъ, надъ которою, представленія никогда не могли бы возвышаться, но вмѣстѣ суть и первобразы которымъ они точно соотвѣтствуютъ, разумѣется, при извѣстныхъ условіяхъ, и слѣдовательно представленія, какъ мысленные образы предметовъ, я могу всегда удержать въ себѣ и прилагать къ самымъ предметамъ. Нужно только раскрыть, какимъ образомъ я могу это дѣлать?

Остановимся на первомъ возраженіи. Мы обманываемся, говорятъ, когда думаемъ въ чувственныхъ представленіяхъ найдти что нибудь постоянное. Если мы не примѣчаемъ измѣняемости въ вещахъ, то это происходитъ вслѣдствіе нашей нелѣповидности и непроницательности. Съ помощью искусственныхъ орудій наблюденія мы видимъ много разнообразныхъ явленій въ каждой пылинкѣ, въ каждой каплѣ воды. Лейбницъ, которому Физика обязана многими открытіями, доказывалъ, что въ физической природѣ все живетъ и движется, и тѣ вещи, которыя мы обыкновенно почитаемъ покоющимися, на самомъ дѣлѣ не таковы; напримѣръ, камень, повидимому есть не что иное, какъ кусокъ плотно сцѣпившихся мертвыхъ частицъ, но и онъ имѣетъ жизнь, растетъ и измѣняется,

Горы кажутся намъ болѣе всего постоянными, но и онѣ не остаются всегда въ одномъ, и томъ же состояніи: онѣ находятся въ постоянномъ движеніи своего рода, не могли бы стоять, еслибы силы притяженія и отталкиванія непрестанно не дѣйствовали на нихъ. Такъ видимый покой, представляющійся намъ въ природѣ, держится непрестанною борьбою силъ, короче: въ физическомъ мірѣ все переходитъизъ одного образа бытія въ другой, изъ одного состоянія въ другое, вездѣ непрестанное измѣненіе, движеніе, теченіе, жизнь. А когда предметы безпрестанно измѣняются, то наши представленія не могутъ имѣть приложенія къ нимъ. Они истинны только въ то мгновеніе, когда мы смотримъ на предметъ, но чрезъ минуту, когда мы хотимъ свѣрить свое представленіе, предметъ совсѣмъ уже не таковъ, и наше представленіе болѣе не соотвѣтствуетъ ему.

Но такъ ли это въ самомъ дѣлѣ? Точно ли во внѣшнихъ предметахъ нѣтъ ничего твердаго, постояннаго, и все, что представляютъ намъ чувства, одинъ призракъ? Вникая глубже, мы усмотримъ, что въ предметахъ есть нѣчто постоянное. Что же это такое? Это—не самая матерія вещей, которая непрестанно испытываетъ перемѣны. Но кромѣ матеріи, вещи не имѣютъ ли нѣкоторыхъ предѣловъ, путей, законовъ, которые остаются всегда неизмѣнными, одинаковыми, постоянными, и которые, такъ сказать повторяются въ перемѣнахъ примѣчаемыхъ нами? Дѣйствительно, въ природѣ самое измѣняемое течетъ по неизмѣннымъ нѣкоторымъ орбитамъ и возвращается туда же, откуда началò свои измѣненія. Возмемъ для примѣра времена года, въ каждый часъ, видъ видимой природы превращается, такъ что здѣсь трудно было бы находить постоянство. Но наступаетъ другой годъ,—и повторяются тѣже явленія; такъ дерево чрезъ годъ опять получаетъ прежній свой видъ. Существа различныхъ родовъ изчезаютъ, но законы, по которымъ дѣйствуютъ недѣлимыя одного какого либо рода, остаются постоянными. На примѣръ, законъ возрастанія, разцвѣтанія, увяданія въ растеніяхъ одного рода дѣйствуетъ скорѣе, а въ растеніяхъ другаго рода медленнѣе, но дѣйствованіе по симъ законамъ въ растеніяхъ каждаго рода вездѣ одинаково. Итакъ хотя матерія находится въ непрестанномъ, такъ сказать, приливѣ и от-

ливѣ, но формы, которыми она опредѣляется, законы, покоторымъ она образуется, не есть нѣчто текучее, но постоянное, неизмѣнямое. Душа наша имѣетъ свойственное въ природѣ, такъ сказать, хранилище — память, въ которое она слагаетъ свои представленія, и когда хочетъ, беретъ ихъ отсюда, прослѣдимъ слѣдующія положенія: хотя матерія находится въ постоянномъ движеніи и потому мы не можемъ прилагать свои представленія къ настоящимъ явленіямъ: но какъ законы, образующіе матерію, повторяются въ одномъ родѣ существъ тѣ, въ другомъ—другіе: въ слѣдствіе сего если нельзя повѣрять нашихъ представленій по однимъ и тѣмъ же предметамъ, или въ одно извѣстное время, то при встрѣчѣ предметовъ того же рода, или при повтореніи тѣхъ же процессовъ вполнѣ удобно можемъ повѣрять свои представленія, чего и требуетъ скептикъ. Но если бы и за тѣмъ стали называть свѣренныя представленія обманомъ, то еще есть способъ узнать достовѣрность ихъ? Надобно человѣку обратиться къ самому себѣ и разсмотрѣть свои дѣйствія въ отношеніи къ душѣ и тѣлу: и тогда откроется, что онъ можетъ нѣсколько разъ повторять одно и тоже намѣреніе или желаніе, напримѣръ, ходить, сидѣть и т. п. и столько же разъ будетъ соотвѣтствовать этому намѣренію или желанію извѣстное движеніе въ тѣлѣ. Или возмемъ болѣе сложное дѣйствіе. Прежде какого нибудь дѣла я вижу образующуюся во мнѣ мысль о семъ дѣлѣ и могу обозрѣвать его во всѣхъ подробностяхъ: теперь пусть нѣсколько разъ я воспроизведу эту мысль въ своемъ воображеніи и изложу на бумагѣ обдуманное мною: что произойдетъ изъ того? Какъ я предначертавши планъ картины, ясно, во всей подробности, вижу его въ своемъ воображеніи и могу нѣсколько разъ въ мысляхъ своихъ возпроизводить, его: такъ, по моему намѣренію и желанію, столько же разъ является картина, и во внѣшнихъ обличіяхъ совершенно соотвѣтствующая внутреннимъ моимъ предначертаніямъ. И такъ не должно сомнѣваться, что есть точное сходство, соотвѣтствіе между мыслями и внѣшнимъ выраженіемъ ихъ, когда одно и тоже внѣшнее дѣйствіе постоянно соотвѣтствуетъ одной и той же мысли, нѣсколько разъ повторяемой въ умѣ. Здѣсь нѣтъ никакого обмана. Потому что, смотря на другаго какого

либо художника, занимающагося тѣмъ же дѣломъ, я примѣчаю, что онъ какъ и я, сперва обдумываетъ въ умѣ планъ, потомъ выражаетъ его во внѣшнихъ чертахъ, и, повторяя это нѣсколько разъ, производитъ тоже, что и я. Послѣ сего въ правѣ же я утверждать, что, конечно, и въ умѣ другаго сперва возникаетъ та же мысль или намѣреніе, которыми опредѣляется одинаковое дѣйствіе, а отсюда справедливо заключаю, что дѣло есть выраженіе мысли, которая есть начало и образовательная причина онаго. Итакъ есть связь между внутреннимъ представленіемъ и выраженіемъ его во внѣшности. А это служитъ руководствомъ къ тому, какъ смотрѣть и на внѣшнюю природу. Если я вижу въ ея дѣйствіяхъ постоянный порядокъ и правильность: то необходимо долженъ предполагать за внѣшнимъ внутреннее, за дѣйствіями — причины; явленія природы не суть явленія бѣглыя пустыя, но они подчиняются извѣстнымъ законамъ. Такимъ образомъ отъ измѣняемости, текучести, такъ сказать, я тотчасъ перехожу къ законамъ, которые повторяются въ измѣненіяхъ, и если эта измѣняемость происходитъ по извѣстнымъ, одинаковымъ процессамъ, то отъ одинаковости дѣйствій я имѣю право заключать къ одинаковости причинъ, такъ какъ безъ причины нѣтъ ничего, и повидимому объятое смертію не могло бы существовать; ибо бытіе есть дѣйствованіе силъ. Посему во всей природѣ всегда есть жизнь, которая проявляется хотя въ безчисленно различныхъ, но всегда постоянныхъ процессахъ, происходитъ по одинаковымъ законамъ. Такимъ образомъ никогда не будетъ скачка въ заключеніи, если мы всегда будемъ приписывать одинаковыя дѣйствія или явленія одинаковымъ причинамъ, и чрезъ то имѣемъ средство избавиться отъ круговращеній, въ которыхъ находятся скептики.

Въ этомъ же смыслѣ можно отвѣчать и на другое возраженіе. И въ нашей душѣ есть нѣчто постоянное, твердое, основное. Оно можетъ остановить и удержать непрестанно пробѣгающія, смѣняемыя другъ другомъ представленія. Во внѣшнемъ движеніи всякое дѣйствіе есть совершенное повтореніе своей причины, оттого и происходитъ въ ней непрестанное круговращеніе. Но и въ душѣ нашей есть многообъемлющіе акты познанія. Хотя чувственность дѣйствуетъ

непрестанно, но въ каждую минуту съ дѣйствіями внѣшнихъ чувствъ дѣйствуетъ душа и другими своими силами; принимая на себя воздѣйствіе различныхъ предметовъ, душа наша въ то же время слагаетъ въ себя внѣшнія впечатлѣнія и удерживаетъ оныя, имѣя въ себѣ для того особенныя формы внутренняго чувства—*воображеніе и память*. Воображеніе обнимаетъ и удерживаетъ видъ самаго предмета дѣйствующаго на чувства, а представленіе и субъективное состояніе души, какое она испытываетъ при разсматриваніи извѣстнаго предмета сохраняется памятью. Такимъ образомъ, душа, обращаясь чувствами къ познанію внѣшняго міра, строитъ, такъ сказать, въ самой себѣ внутренній міръ представленій, слагаетъ ихъ въ богатое хранилище образовъ и воспоминаній, удерживаетъ здѣсь тѣ впечатлѣнія, какія она восприняла изъ внѣшняго міра. Посему, когда повторяется тоже явленіе, душа наша тотчасъ признаетъ оное, какъ оно представляется ей въ настоящую минуту и взявъ хранящееся въ памяти прежнее представленіе сличаетъ его съ этимъ новымъ представленіемъ, и если находитъ, что одно съ другимъ вовсемъ сходно: то по справедливости почитаетъ свои представленія вѣрными. Итакъ, вопреки утвержденію противниковъ, при самомъ быстромъ потокѣ представленій и впечатлѣній, душа удобно можетъ остановиться и возвыситься надъ рядомъ, какъ притекающихъ впечатлѣній, производимыхъ предметами, такъ и надъ рядомъ представленій, образующихся изъ этихъ впечатлѣній и видѣть такимъ образомъ взаимное ихъ соотвѣтствіе, или несоотвѣтствіе; это особенно можно видѣть при составленіи общихъ понятій. Что тогда дѣлаетъ разсудокъ? Отъ множества разнообразныхъ предметовъ онъ отвлекаетъ однородное, и соединяетъ въ одно общее признаки, которые составляютъ или *содержаніе* (compregensivel intensio conceptus), или объемъ его (extensio, sphaera). Какъ душа наша могла бы дѣлать это, если бы совершенно увлекалась потокомъ разнообразныхъ представленій? Общность понятій необходима для отдѣленія разнороднаго и приведенія къ единству того, что однородно, что соотвѣтствуетъ одно другому, что связуется одно съ другимъ. А такой актъ нашего разсудка не есть что нибудь бѣглое, пустое, а происходитъ на нѣкоторомъ постоянномъ основаніи,

съ нѣкоторымъ изслѣдованіемъ, сужденіемъ, короче: предполагаетъ въ душѣ познаніе о предметахъ твердое, основательное. Далѣе силы души имѣютъ свои законы. Въ то время, когда душа опредѣляетъ въ своихъ представленіяхъ внѣшніе предметы, она сама въ своемъ дѣйствованіи опредѣляется внутренними законами. Такимъ образомъ для познанія предметовъ есть нѣчто твердое и въ самыхъ законахъ, прирожденныхъ познавательнымъ силамъ нашей души, когда она по этимъ постояннымъ своимъ законамъ образуетъ свои представленія: ужели они должны быть одною пустою игрою? Что слѣдовало бы тогда заключить о Виновникѣ духовной нашей природы, Высочайшемъ Устроителѣ сихъ законовъ? Вѣрно и крѣпко слово Декарта: „Богъ не можетъ обманывать“.—Посмотримъ на формы пространства и времени, какъ на постоянные законы познавательной чувственной нашей способности: они суть какъ бы мѣра нашей души, въ которую влагаются впечатлѣнія предметовъ, они же и даютъ намъ возможность выходить изъ круговращенія явленій. Что же будетъ, если это только игра? Ужели Творецъ произвелъ насъ для обмана, такъ что и самое сознаніе наше есть иллюзія? это есть уже верхъ нелѣпости, безотчетнаго ожесточенія и отчаянія противниковъ!—Итакъ есть постоянное и внѣ насъ въ самыхъ предметахъ, познаваемыхъ нашими чувствами, и въ насъ самихъ, въ основныхъ формахъ нашей познавательной дѣятельности, вслѣдствіе того, мы можемъ стоять выше потока представленій, такимъ образомъ можемъ несомнѣнно увѣряться въ соотвѣтствіи нашихъ представленій предметамъ представляемымъ.

Но есть еще Идеализмъ болѣе тонкій и благовидный. Это идеалистическій образъ воззрѣній Эккартгаузена, который утверждаетъ, что достовѣрность чувственныхъ познаній (которыми, у него, и ограничивается весь кругъ нашего познанія) есть только относительность, зависящая отъ свойствъ и состояній нашихъ чувствъ, то-есть, мы можемъ признавать за истинное такое или другое познаніе потому только, что такова или инакова наша организація, или состояніе чувственныхъ нашихъ органовъ; съ перемѣною же организаціи должны измѣниться и наши познанія, затѣмъ должна измѣниться для насъ и самая истина. Для устрицы міръ несрав-

ненно тѣснѣе, чѣмъ для животныхъ, одаренныхъ большимъ числомъ чувствъ. Напрасно станутъ говорить слѣпому о солнцѣ, цвѣтахъ и о другихъ красотахъ видимой природы; больному желтухою всѣ предметы представляются окрашенными въ желтый цвѣтъ. Такимъ образомъ, если бы какой либо другой родъ существъ, или мы сами имѣли чувства болѣе тонкіе, или получили болѣе пяти чувствъ, или же владѣли чувствами совершенно иными: то вмѣстѣ съ этимъ измѣнился бы видъ всѣхъ предметовъ, измѣнилась бы вселенная, открылся бы новый міръ, столько же невообразимый для насъ въ настоящемъ состояніи нашемъ, сколько, можетъ быть, невообразимъ нашъ міръ для существъ, съ иною организаціею чувствъ. Чувства наши это ничто иное, какъ оптическія стекла, въ которыхъ одинъ и тотъ же предметъ представляется то большимъ, то малымъ, то чернымъ, то бѣлымъ и пр. Но въ самомъ ли дѣлѣ опровергается этимъ возраженіемъ истинность нашихъ чувственныхъ познаній? Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что доставляемое чувствами есть только призракъ? Но извѣстно во 1-хъ, что чувства, какъ бы они ни были несовершенны, сами по себѣ никогда не обманываютъ, а обманываютъ насъ только умозаключенія, поспѣшно выведенныя изъ данныхъ опыта, то есть, когда то, что представляется намъ истиннымъ подъ извѣстными только условіями, почитаемъ вполнѣ истиннымъ, но эта неправильность заключеній зависитъ уже не отъ чувствъ. Чувственныя наши познанія могутъ быть всегда истинными, только для ихъ истинности требуется, чтобы вещи испытываемы были всѣми чувствами, какими только можно испытывать, при томъ здоровыми, неповрежденными, и въ надлежащей близости или отдаленіи; въ противномъ случаѣ, если для познанія предметовъ употреблены будутъ не всѣ нужныя средства и условія, то чувства весьма легко могутъ ввести въ обманъ. Далѣе, во 2-хъ, пусть частныя свойства частныхъ чувствъ различны, пусть онѣ подвержены разнымъ измѣненіямъ: однако есть въ нихъ нѣчто общее для всѣхъ ихъ, нѣчто постоянное, что при всѣхъ измѣненіяхъ остается одинаковымъ, неизмѣннымъ. Локкъ справедливо дѣлитъ качества вещей на принадлежащія исключительно каждой изъ нихъ (qualitates secundariae) и на общія и коренныя, относящіяся ко всѣмъ

безъ исключенія (qualitates primariae). Подъ первыми разумѣются тѣ свойства вещей, которыя познаются только тѣмъ, или другимъ въ отдѣльности чувствомъ послѣднія качества остаются общими для всѣхъ чувствъ, или для многихъ изъ нихъ, таковы: бытіе, протяженіе въ пространствѣ, мѣстное отношеніе, фигура, непроницаемость, движеніе. Потому и чувства, которыми познаются первыя, называются вторичными (secundarius sensus), — это извѣстныя пять чувствъ, а то чувство, которымъ познаются общія и коренныя чувства вещей, можно назвать первичнымъ (primarius sensus), это есть, такъ сказать, общія чувства, объемлющіе всѣ прочія. Вторичныя чувства могутъ измѣняться съ измѣненіемъ организацій, слѣдственно могутъ представлять и вещи такъ, или иначе, но первичное чувство всегда неизмѣняемо одинаково во всѣхъ возможныхъ субъектахъ, имѣющихъ чувственность, сколько бы ни была различна ихъ организація. Главная форма чувственнаго воззрѣнія, форма пространства, прирождена всякому существу, одаренному чувственностью, она есть какъ бы простертіе чувственности, безъ нея чувственность не могла бы существовать. Итакъ по этой то формѣ всегда мы можемъ съ точностію повѣрять свойства вещей, подлежащія ей и какъ бы сродныя съ нею. Послѣ этого пусть говорятъ, что чувства наши суть оптическія стекла, которыя то уменьшаютъ то увеличиваютъ вещи; сравнительныя или относительныя свойства величины, сколько бы не измѣнялись, тѣмъ не менѣе останется въ насъ постоянное общее представленіе величины. Хотя бы не было и зрѣнія, но если можно касаться предмета однимъ какимъ либо чувствомъ, то необходимо получается представленіе величины, — чего то подлѣ меня и внѣ меня находящагося. Итакъ, сколько бы ни измѣнялась наша чувственность, но основныя свойства которыхъ она необходимо ищетъ въ вещахъ всегда одинаково будутъ представляться ей, и такимъ образомъ она доставляетъ вѣрное познаніе предметовъ Говорятъ еще: можно ли приписывать характеръ истины чувственнымъ воззрѣніямъ, когда Богъ, истинно все видящій, не имѣетъ ихъ? Мы тогда постигали бы истину, когда представляли бы предметы согласно съ мыслями всевидящаго Творца ихъ. Но Богъ не имѣетъ формъ

чувственнаго воззрѣнія; Онъ однимъ актомъ созерцанія (unico contemplationis actu) проникаетъ во внутреннее существо вещей, между тѣмъ какъ наши воззрѣнія различны и останавливаются на одной поверхности предметовъ. Но этимъ возраженіемъ ничего не опровергается. При множествѣ и различіи формъ воззрѣнія, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою относительную или сравнительную истинность, можетъ и долженъ быть одинъ истинный въ высочайшей степени способъ воззрѣнія, который хотя непостижимъ для насъ необходимо долженъ быть приписанъ Богу. Всевидящій созерцаетъ не только сущность всѣхъ вещей, но и всякій образъ проявленія сущности, и потому объемлетъ однимъ актомъ созерцанія и все чувственное; потому что оно есть Его твореніе. Художникъ прежде, чѣмъ изображаетъ какой нибудь предметъ на картинѣ, въ умѣ своемъ видитъ планъ, или внутреннее построеніе этой картины: такъ и Богъ отъ вѣка въ одно мгновеніе видитъ все чувственное. Потому Богъ и сотворилъ чувственныя вещи, что видѣлъ ихъ прежде въ своихъ идеяхъ; Онъ отъ вѣчности имѣлъ мысль, за мыслью послѣдовало дѣло. Изъ того, что въ Богѣ нѣтъ однородности съ предметами чувственными, не слѣдуетъ, что Онъ будто бы не можетъ обнимать ихъ своимъ воззрѣніемъ. Когда Онъ самое зло не только несродное, но и противоположное существу Его, видитъ и направляетъ къ благимъ цѣлямъ, то можетъ ли Онъ не видѣть чувственныхъ предметовъ, созданныхъ Его всемогуществомъ. Для ограниченныхъ существъ, конечно, необходимо, чтобы предметы представляемые ими имѣли сродство съ ихъ чувственностію, дабы могли производить на нее впечатлѣнія. Но высочайше независимому Существу, которое не подчиняется воздѣйствію внѣшнихъ предметовъ, возможно видѣть чувственное безъ тѣхъ чувственныхъ формъ воззрѣнія, какія имѣемъ мы.

Итакъ доказано нами, что внѣшніе предметы въ отношеніи къ намъ, суть не только причины, но и первообразы нашихъ представленій, отражающихся въ сихъ послѣднихъ, то-есть, что точно есть въ предметахъ свойства, которыя соотвѣтствуютъ чувственнымъ нашимъ представленіямъ. Иначе гдѣ могла бы заключаться причина того, что мы имѣемъ такія и не другія представленія о чувственныхъ предметахъ?

Она, если не внѣ насъ, то въ насъ самихъ. Но душа наша есть существо простое, единичное, сколько бы она не полагала и ни противополагала свое *я*; въ актѣ своего сознанія всегда отражала бы только свое единство. Откуда же различные образы предметовъ? Можетъ быть, это только построенія творческаго нашего воображенія, и вся жизнь наша есть не иное что какъ непрерывное мечтаніе, иллюзія, воображеніе? Но воображеніе въ своихъ построеніяхъ повторяетъ только то, что получило чрезъ чувства или, если взять въ разсмотрѣніе воображеніе производительное, оно приводитъ только въ новыя формы и сочетанія принятые чувствомъ образы, и такимъ образомъ составляетъ нѣчто, какъ будто независимое отъ внѣшнихъ впечатлѣній. Итакъ многообразіе чувственныхъ представленій остается необъяснимымъ, если происхожденіе ихъ приписывать съ Фихте одному нашему — *я*, которое недѣлимо, невидимо, для внѣшнихъ чувствъ единично. А если нельзя производить чувственныхъ представленій изъ нашего — *я*: то причина происхожденія ихъ внѣ насъ, въ дѣйствующихъ на наши чувства предметахъ, которымъ наши представленія соотвѣтствуютъ. Для этого, какъ уже замѣчено выше, нужно различать общія и частныя свойства предметовъ чувственныхъ. Первыя, неразрывно соединены съ устройствомъ чувственной способности и при всѣхъ ея измѣненіяхъ, очищеніяхъ, извращеніяхъ остаются постоянными, а потому и познаніе чувственныхъ предметовъ съ этой стороны можетъ быть твердое, постоянное. Что касается до частныхъ свойствъ чувственныхъ предметовъ, то познаніе оныхъ съ измѣненіемъ или усовершенствованіемъ самыхъ чувствъ можетъ также измѣняться и усовершаться. Впрочемъ познаніе и сего рода имѣетъ долю истины, хотя неисчерпывающую сущности предметовъ, ибо и оно происходитъ не изъ ничего, но изъ самыхъ свойствъ предметовъ. Только за этимъ познаніемъ предметовъ можетъ быть болѣе глубокое и болѣе полное познаніе ихъ; эмпирическая истина, постигаемая чувствомъ, занимаетъ самое низшее мѣсто, выше ея познаніе причинъ, а еще выше сего открытіе идей, то-есть, познаніе того, — какія духовныя дѣйствія проявляются въ какомъ либо предметѣ. Такъ слушающій прекрасную музыку можетъ ощущать гармонію звуковъ, но

это еще не значитъ, что онъ постигаетъ самое истинное въ музыкѣ. Это есть только испытываемое чувствами его воздѣйствіе музыкальныхъ звуковъ, но собственно не составляетъ знанія музыки, пониманіе основъ ея, отъ чего происходитъ гармонія звуковъ—совсѣмъ уже непостигаемое чувствомъ слуха, заключаетъ въ себѣ болѣе истины. Но и это еще невысокая истина, если мы умѣемъ объяснить одинъ механизмъ, послѣдованіе дѣйствій изъ своихъ причинъ. Но познаніе того, что артистъ хочетъ выразить гармоніею звуковъ, какія хочетъ излить въ нихъ чувства: вотъ высшій родъ истиннаго пониманія музыкальнаго искуства.

Опровергнувъ идеализмъ во всѣхъ его видахъ, мы теперь можемъ воспользоваться отъ него тѣмъ справедливымъ заключеніемъ, что въ чувственныхъ нашихъ представленіяхъ нѣтъ еще полной всегда себѣ равной истины... Хотя чувственное наблюденіе открываетъ свойства вещей невоображаемыя, мечтательныя, но подлинныя, дѣйствительно принадлежащія имъ, но еще оно не доходитъ до полнаго познанія внутренней сущности вещей, положенной въ основаніе бытія ихъ; чрезъ чувства мы касаемся только поверхностныхъ свойствъ вещей—внѣшнихъ явленій; но самая сущность вещей скрывается за явленіями и выше и обширнѣе явленій.

Пространство и время, какъ коренныя формы эмпирическаго познанія.

Далѣе Онтологія должна не только доказать, дѣйствительно ли существуютъ предметы чувственныхъ представленій, но и изслѣдовать, съ какими коренными свойствами они существуютъ. Руководствомъ для насъ къ познанію такихъ свойствъ будетъ служить наблюденіе надъ первоначальными формами чувственнаго воспріятія. Но дабы Онтологія не разсѣявалась по безчисленному множеству свойствъ и принадлежностей предметовъ эмпирическаго познанія, необходимо имѣть въ виду, что ея предметъ только всеобщія, коренныя, необходимо принадлежащія вещамъ свойства, и въ самомъ эмпирическомъ познаніи слѣдуетъ обратиться къ кореннымъ и всеобъемлющимъ формамъ и законамъ чувственной познавательной способности. Въ предметахъ, подле-

жащихъ чувственному познанію, есть частныя и случайныя свойства, которыя можно опустить изъ вниманія, но есть другія свойства, которыя остаются постоянными при всѣхъ дѣйствіяхъ и измѣненіяхъ нашей чувственной способности, и безъ которыхъ, по необходимымъ ея законамъ, мы не можемъ представлять извѣстную область предметовъ. Дѣло Онтологіи въ такомъ случаѣ показать, что этимъ субъективнымъ формамъ нашего познанія дѣйствительно соотвѣтствуютъ свойства самыхъ предметовъ.

Обращаясь къ дѣйствованію чувствъ внѣшнихъ, примѣчаемъ, что мы можемъ опустить изъ вниманія различныя случайныя и измѣняющіяся свойства внѣшнихъ предметовъ, напр. цвѣтъ, запахъ и пр.; однако все еще дѣятельность чувственной нашей способности отъ того не пресѣчется; вообще въ ней останется стремленіе—отыскивать что-то простертое, положенное одно подлѣ другаго, то есть, остается форма пространства. Слѣдовательно, *форма пространства* есть не иное что, какъ необходимое *стремленіе* (nisus), *направленіе души нашей искать предметовъ одного подлѣ другаго положенныхъ*. Если бы изгладилась эта форма въ нашей чувственной способности, тогда и дѣйствованіе внѣшнихъ чувствъ пресѣклось бы. Наблюдая надъ дѣятельностью чувства внутренняго, примѣчаемъ также, что различныя качества, подлежащія его наблюденію, какъ то: изящество, пріятность, доброту и пр. мы можемъ опустить, но никакъ не можемъ изгладить въ явленіяхъ души того свойства, по которому одно слѣдуетъ за другимъ, или послѣдованія различныхъ ощущеній, одного за другимъ, т. е. *форму времени, которая есть такое направленіе души, по которому она ищетъ предметовъ однихъ послѣ другихъ*. Если бы изгладилась эта форма внутренняго чувства, тогда бы надлежало совершенно изгладиться и самому чувству, тогда душа осталась бы въ какомъ-то отрѣшенномъ, безвременномъ состояніи созерцанія, чего мы не можемъ представить. Такимъ образомъ формы пространства и времени суть первоначальныя свойства и законы нашей чувственности.

Но существуютъ ли пространство и время, какъ нѣчто внѣ насъ, и принадлежатъ ли самымъ предметамъ, рѣшить это остается Онтологіи.

Канту, обратившему особенное вниманіе на теорію пространства и времени, можно отдать честь за то, что онъ первый весьма хорошо и вѣрно понялъ, что это суть первоначальныя необходимыя формы нашей чувственности, но онъ не рѣшился приписать оныя самымъ вещамъ, даже отвергалъ всякую попытку доказать дѣйствительное (объективное) бытіе ихъ внѣ насъ. Намъ слѣдуетъ разсмотрѣть теорію Канта и что въ ней есть вѣрнаго, и воспользоваться тѣмъ, чего не достаетъ, дополнить, прочее оставить. Лучшій изъ его послѣдователей и болѣе другихъ основательный Кругъ излагаетъ теорію Канта о пространствѣ и времени въ слѣдующихъ положеніяхъ.

Прелику пространство и время представляются намъ, какъ единство безконечно—разнообразнаго, внѣ насъ положеннаго одно подлѣ другаго или одно послѣ другого: то посему пространство и время не могутъ быть: 1) ни дѣйствительными предметами внѣ насъ существующими; 2) ни свойствами, или отношеніями вещей; 3) ни общими понятіями, составленными чрезъ отвлеченіе; между тѣмъ однакоже они не пустые вымыслы воображенія, но такія представленія, которыя относятся къ чему-то первоначальному въ душѣ нашей. Потому истинность пространства и времени не въ томъ состоитъ, чтобы они реально существовали внѣ насъ, но въ томъ, что эти представленія основываются на первоначальныхъ законахъ нашей чувственной способности познанія, которыя все подлежащее ея наблюденію не иначе представляетъ какъ подъ этими формами. Я не знаю, продолжаетъ Кругъ, подлинно ли существуютъ вещи одни подлѣ и послѣ другихъ: знаю только, что дѣйствующее на мои чувства, не иначе должно представляться мнѣ, какъ въ подлѣбытіи—пространственности и послѣбытіи или временности.

1. *Пространство и время не суть предметы существующіе внѣ насъ*: Если бы они были такими, то были бы какъ бы нѣкоторыми влагалищами, то есть, необходимо было бы предполагать для нихъ новое пространство и время, и для сихъ опять новыя влагалища и такимъ образомъ въ безконечность; основываясь на томъ же законѣ, мы спрашивали бы: гдѣ эти предметы существуютъ и въ какомъ времени,

доколѣ наконецъ не остановились бы на чемъ то простирающемся въ безпредѣльность, какъ величинѣ безконечно неопредѣленной.

2. *Если бы пространство и время были свойствами или качествами вещей, находящихся внѣ насъ*: то когда бы мы изгладили въ мысляхъ своихъ всѣ внѣшніе предметы, а это мы можемъ всегда сдѣлать, тогда и эти качества необходимо были бы изглажены. Но напротивъ можно отвлечь всѣ внѣшніе предметы, вынуть, такъ сказать, изъ пространства и времени, между тѣмъ обѣ эти формы останутся въ душѣ нашей, хотя бы всѣ чувственныя качества вещей были уничтожены; поэтому геометрическія построенія мы можемъ всегда продолжать, все будемъ заниматься *чѣмъ-то*, а *не ни чѣмъ*; чувственныя качества даже мѣшаютъ точности и правильности геометрическихъ построеній, какъ это замѣтилъ Платонъ. Итакъ пространство и время, остающіяся въ душѣ нашей по уничтоженіи всѣхъ предметовъ, не могутъ быть свойствами или качествами вещей, находящихся внѣ насъ.

3. *Они не могутъ быть и понятіями отвлеченными.* Всякое общее понятіе составляется тогда, когда мы сравнимъ многія представленія, разнообразное, общее имъ отдѣляемъ и (слагаемъ) подводимъ подъ одинъ взоръ, и когда образуется такое представленіе, содержаніемъ котораго служатъ общіе признаки многихъ предметовъ, то это будетъ понятіе отвлеченное. Но пространство и время нельзя представлять такими величинами, нѣтъ предметовъ, съ которыхъ они были бы сняты, какъ общіе признаки, нѣтъ образовъ, изъ сравненія которыхъ мы могли бы извлечь понятія о пространствѣ и времени, какъ общія, напротивъ эти представленія предшествуютъ представленіямъ частнаго пространства и всякаго частнаго времени. Съ появленіемъ нашимъ на свѣтъ и съ пробужденіемъ познавательной силы, безъ всякаго ученія, уже ищемъ ихъ въ предметахъ. Не въ насъ влагаются эти понятія, но мы влагаемъ въ нихъ предметы, какъ бы въ нѣкоторую мѣру. Нельзя сказать, чтобы частныя пространства и времена были различныя представленія, напротивъ всѣ частныя пространства и времена не иначе представляются намъ, какъ отсѣченія, участки

безмѣрнаго пространства и времени. Итакъ представленія о пространствѣ и времени суть представленія о чемъ-то простирающемся въ безконечность, а такими они не могли бы быть, если бы они отвлечены были отъ частныхъ пространствъ и временъ. На сихъ представленіяхъ основана та теорема въ Геометріи, что всякая линія и всякая величина можетъ простираться и разширяться въ безконечность. Итакъ представленія пространства и времени не могутъ быть отвлеченными понятіями.

4. Но они не могутъ быть также вымыслами воображенія. Тогда они не имѣли бы той всеобщности и необходимости, по которой никто одаренный чувственностію, не можетъ изгладить ихъ изъ чувственнаго воззрѣнія, но непремѣнно долженъ влагать въ нихъ всѣ свои чувственныя представленія. Въ слѣдствіе этой всеобщности и необходимости они не могутъ быть вымыслами воображенія, произвольно составленными.

Итакъ, *что такое пространство и время по мнѣнію Канта?* Поелику въ духѣ нашемъ ничто первоначально неможетъ быть ограничено, а существуютъ только формы, законы, направленія дѣятельности: потому и въ представленіяхъ, принадлежащихъ чувствамъ, внутреннему и внѣшнимъ, первоначально ничто не можетъ быть представляемо, какъ только оныя формы, такъ что мы не можемъ созерцать ничего въ чувственномъ мірѣ, созерцая въ иной формѣ. Итакъ это есть первоначальный законъ души нашей, по которому она все разнообразное представляетъ въ безмѣрномъ пространствѣ одно подлѣ другаго, или одно послѣ другаго, такъ что всѣ предметы представляются намъ вмѣщающимися въ нѣкоторомъ цѣломъ, однородномъ, непрерывномъ, неограниченномъ количествѣ или величинѣ, которая по отношенію къ предметамъ положеннымъ одно подлѣ другаго называется *пространствомъ*, а по отношенію къ предметамъ, существующимъ одинъ послѣ другаго—*временемъ*. Итакъ они суть: 1) чистыя представленія a priori; 2) представленія или воззрѣнія чувственныя (intuitiones); 3) представленія всеобщія и необходимыя.

1 *Пространство и время суть представленія* a priori не въ томъ смыслѣ, чтобы они были прирождены душѣ на-

шей, ибо всѣ представленія суть порожденія души нашей во времени, но въ томъ смыслѣ, что относятся къ чему-то первоначальному въ душѣ, независящему отъ опыта, то есть, къ дѣйствованію души съ самой самой собою прежде опыта. Итакъ хотя они какъ представленія опредѣленныя не ранѣе раскрывается, какъ когда мы обращаемся къ предметамъ чувственнымъ: однако нельзя назвать ихъ представленіями эмпирическими a posteriori; ибо всѣ опытныя представленія относятся уже къ пространству и времени и съ ними сообразуются, слѣдовательно уже предполагаютъ оныя.

2. *Пространство и время суть представленія чувственныя* потому, что предметомъ или содержаніемъ ихъ служатъ пространство и время, относящіяся къ вещамъ чувственнымъ. Если бы они не были представленіями чувственными, то были бы понятіями, и слѣдовательно—посредственными представленіями, составленными изъ соединенія признаковъ, но таковыми, какъ мы видѣли, они не могутъ быть. Они суть нѣчто цѣлое, къ которому усматриваемыя чувствами пространства и времена относятся, какъ участки. Каждое понятіе заключаетъ въ себѣ многіе различные признаки (argumentum), или много разнородныхъ вещей подъ собою (sphaera, extensio). Но пространство и время суть нѣчто однородное, само съ собою совершенно сходное. Итакъ они не могли быть понятіями, а необходимо должны быть признаны за чувственныя воззрѣнія (intuitiones).

3. *Они суть воззрѣнія всеобщія и необходимыя*, почему и выводимымъ изъ нихъ математическимъ положеніямъ пространства и времени, принадлежитъ извѣстность, всеобщая и необходимая твердость (valor). Необходимость же этихъ воззрѣній и необходимая твердость видна изъ того, что изгладивши всѣ чувственныя опредѣленныя представленія, не можемъ изгладить представленія пространства и времени; всякій, одаренный чувственностію, необходимо представляетъ предметы подъ сими формами.

Такимъ образомъ, поелику дѣйствительное бытіе, какъ оно представляется чувствами, является подъ формою пространства, какъ дѣйствующее одно подлѣ другаго, и подъ формою времени, какъ дѣйствующее одно—послѣ другаго; и поелику существующее въ пространствѣ, существуетъ также

и во времени—одно послѣ другаго: то первоначальныя формы чувственной познавательной способности разрѣшаются на три формы, то есть, мы вынуждаемся всему дѣйствительносуществующему приписывать три свойства или принадлежности, которыя имѣютъ свое основаніе въ природномъ способѣ нашего чувственнаго воззрѣнія, они суть:

1) Пространственность—бытіе въ пространствѣ одно подлѣ другаго.

2) Временность—бытіе во времени одно послѣ другаго.

3) То и другое въ совокупности — совокупно – бытіе въ пространствѣ и времени—одно подлѣ и послѣ другаго.

Пространство имѣетъ три протяженія въ длину, ширину и высоту или глубину. Если мы представляемъ ихъ всѣ вмѣстѣ принадлежащими какой либо вещи, то изъ соединенія ихъ происходитъ представленіе толщины (crassitudo), иначе сказать, взятыя всѣ вмѣстѣ онѣ составляютъ тѣло имѣющее толщину. Время же имѣетъ одно протяженіе, которое по аналогіи съ формою пространства мы можемъ назвать длиною и представлять какъ бы линіею, простирающеюся въ безпредѣльность. Во времени различаются три момента — настоящее, прошедшее и будущее. Для ясности мы можемъ представить себѣ это такъ, пусть точка двигается по безмѣрному пространству и своимъ движеніемъ описываетъ линію: представимъ теперь, что нѣкоторая часть линіи пройдена, а другую остается еще пробѣгать: первая изъ сихъ непрестанно увеличивающаяся, будетъ *прошедшее*, а послѣдняя, часъ отъ часу уменьшающаяся,—*будущее*, настоящее же не означаетъ особенной части, но есть какъ бы самая точка, есть одно только мгновеніе. Время потому преимущественно означается чрезъ линію, что въ немъ не можемъ ничего болѣе различать, кромѣ непрестаннаго послѣдованія далѣе и далѣе впередъ, въ безпредѣльность. Въ чувственныхъ предметахъ можно находить и другіе сходные съ временемъ образы, такъ напримѣръ образъ потока непрестанно текущаго впередъ, шара, безостановочно катящагося вдаль, птицы, горизантально летящей по воздуху. Пространству принадлежитъ протяженіе или растяженіе во всѣ стороны (extensio), а времени протяженія собственно впередъ, protensio.

Вся эта теорія Канта основательна, если смотрѣть на пространство и время съ субъективной точки зрѣнія, какъ на первоначальные законы познавательной нашей чувственной способности и не искать прежательной (объективной) ихъ реальности.

Но принадлежатъ ли формы пространства и времени вещамъ, дѣйствительно существующимъ внѣ васъ, это остается разрѣшить намъ самимъ. Для этого разсмотримъ подробнѣе теорію Канта, и покажемъ, что въ ней должно принять и что не должно. Кантъ, объясняя пространство и время, опредѣляетъ ихъ и съ положительной и съ отрицательной стороны. И потому утверждаетъ:

а) Что они *не суть вымыслы и мечты воображенія*, это совершенно вѣрно и доказано Кантомъ основательно.

б) Что они не могли быть отвлеченными понятіями и это также вѣрно, потому что нѣтъ такихъ различныхъ предметовъ, съ которыхъ бы можно было снять общія черты и изъ нихъ составить понятіе о пространствѣ и времени. Всѣ частныя пространства не суть различные предметы, но отдѣльныя части цѣлаго и полнаго пространства, простирающагося въ безмѣрность, безъ котораго чувственная вещь не имѣла бы большей или меньшей длины, самое же разстояніе не можетъ быть видимо, ни ощущаемо подобно цвѣтамъ и звукамъ; во всѣхъ нашихъ пяти чувствахъ для этихъ тонкихъ свойствъ нѣтъ особеннаго чувства, но свойства, подлежащія чувствамъ, влагаются, такъ сказать, въ эти общія формы.

в) И то вѣрно, что пространство и время *не суть самостоятельные чувственные внѣ насъ предметы*, какъ бы формы видимыя, ощущаемыя чувствами вмѣстилища для предметовъ.

4) Вѣрно доказано и то, что *они не суть свойства вещей*: ибо свойства вещей неразлучны съ самыми вещами. Какъ вещи, такъ и ихъ качества мы представляемъ влагаемыми въ пространство и время, но когда все сіе обратно выдѣлимъ, то останется это ненаполненное вмѣстилище. Геометръ, не наблюдая чувственныхъ качествъ предметовъ, составляетъ изъ пространства различныя построенія, которыхъ не видитъ въ опытѣ, но которыя будутъ имѣть реальность, потому что и по уничтоженіи всего чувственнаго останутся формы пространства и его законы. Въ этомъ смыслѣ

Кантъ справедливо не признаетъ пространство и время чувственными качествами вещей.

Итакъ что же они? согласиться ли съ Кантомъ и отвергнуть предлежательность пространства и времени или нужно искать другихъ объясненій къ подтвержденію объективной ихъ реальности?

Что такое пространство и время по мнѣнію Лейбница.? Есть еще способъ объясненія ихъ, который принятъ былъ въ школѣ Лейбница. По этому объясненію, пространство и время суть отношенія вещей. Ибо однимъ предметамъ мы приписываемъ совокупно—бытіе одного подлѣ другаго (simultaneitas), то есть, пространство, а другимъ—преемственность—бытіе одного послѣ другаго, (successivitas) то есть, время. Что же это такое, какъ не взаимныя отношенія вещей? Это объясненіе не было принято школою Канта, но оно близко къ истинѣ. Кантъ затруднялся понять, какъ отношенія вещей внѣ насъ могутъ быть чѣмъ нибудь дѣйствительно существующимъ. Это—то и должно намъ уяснить и доказать противъ теоріи Канта.

Чтобы яснѣе представить, какъ пространство и время могутъ быть отношеніями вещей реальными, то есть не такими, которыя мы отъ себя переносимъ въ природу, не имѣющую, будто бы никакого размѣра, но которыя принадлежатъ ей прежде всякаго опыта (что нужно сдѣлать въ защищеніе здраваго смысла и общаго понятія о пространствѣ и времени), возмемъ въ пособіе понятіе о неограниченномъ и ограниченномъ, о силѣ ограниченной и неограниченной. Въ прежнихъ Онтологическихъ изслѣдованіяхъ мы видимъ, что въ природѣ кромѣ явленій и дѣйствій должны быть силы. Сначала мы утвердили, что въ насъ есть представленія или дѣйствія, далѣе, что есть подлежащее сихъ представленій, дѣйствующая сила—душа, или наше—*я*. Теперь обратимся къ сознанію и посмотримъ, какъ эта сила дѣйствуетъ. Силѣ свойственно дѣйствовать, то есть, изводить внутреннее во внѣшность. Напримѣръ, внутри практической силы воли есть намѣреніе, этой силѣ свойственно извести внутреннее намѣреніе во внѣшность, есть и законы, по которымъ она должна изводить внутреннее во внѣшность. Также внутри познавательной силы ума есть идеи, есть зако-

ны познанія и ей свойственно не оставаться бездѣйственною, но открывать соотвѣтствующія бытію вещей представленія. Внутри физической силы движенія есть предрасположенія дѣйствовать и отвнѣ принимать въ себя, по своимъ законамъ, воздѣйствія внѣшнихъ предметовъ. И такъ свойственно силѣ дѣйствовать, то есть, внутренніе свои законы, направленія, возможность для исполненія (potentia agendi) выражать во внѣшности. Сознаніе увѣряетъ, что есть въ насъ такія силы, обнаруживающіяся въ различныхъ дѣйствіяхъ. Если взять понятія дѣйствованія силъ, не совѣтуясь съ опытомъ: то дѣйствовать значило бы безпрепятственно, безъ всякихъ задержекъ и ограниченій, выразить во внѣшности весь запасъ возможныхъ дѣятельностей. Здѣсь-то и нужно намъ обратить вниманіе на различіе между силою неограниченною и ограниченною. Тогда, все что по сущности нашей природы возможно намъ, мы могли бы безпрепятственно вдругъ выражать во внѣшнихъ дѣйствіяхъ; такъ то, что есть въ познавательной силѣ возможнаго для обнаруженія, напримѣръ, богатство идей тотчасъ бы проторглось, проявилось для нашего сознанія, или если нашей физической силѣ движенія свойственно преодолѣвать препятствія, расширять себя, вовлекать въ себя извнѣ: то, по предположенному понятію она должна была бы безъ всякихъ задержекъ расширяться на все и все вовлечь въ себя. Но на самомъ дѣлѣ не бываетъ такъ. Душа наша имѣетъ не все, что по сущности своей духовной природы могла бы имѣть, ибо какъ въ обнаруженіи физической жизни, такъ и духовной, она непрестанно задерживается препятствіями, все, что могла бы извести, никакъ вдругъ не изводитъ, но производитъ одно за другимъ, получаетъ одно послѣ другаго. И поелику прежде всего начинается въ насъ дѣятельность физической силы движенія, то мы познаемъ по опыту, что при первыхъ своихъ обнаруженіяхъ она стѣсняется на пути своего разширенія, встрѣчаясь съ силами, дѣйствія которыхъ полагаютъ ей препятствія расширяться далѣе и далѣе, такъ что свойственное силѣ движенія дѣйствованіе не можетъ распространяться въ безпредѣльность. Возмемъ еще силу зрѣнія, и она, встрѣчая во внѣшнихъ предметахъ разныя преграды къ своему разширенію, не можетъ простирать своего стремленія

въ безграничное пространство, но останавливается на извѣстныхъ границахъ. Такъ и всякая чувственная сила стремилась бы въ безпредѣльность, но отъ смѣжныхъ силъ, прежде невѣдомыхъ ей, задерживается, ограничивается ими въ своемъ расширеніи. Она можетъ расширять сферу своей дѣятельности и возрастать въ крѣпости, чтобы принимать въ себя и обымать большее и большее число предметовъ познанія, но никогда не можетъ овладѣть всѣмъ, чѣмъ она могла бы владѣть. Наблюдая и надъ дѣятельностію высшихъ духовныхъ нашихъ силъ, мы еще болѣе усматриваемъ подчиненіе ихъ тому общему закону, по коему силы, обнаруживаясь въ своихъ дѣйствіяхъ, никогда вдругъ не проявляютъ всѣхъ ихъ, что нѣкогда онѣ будутъ имѣть, того теперь нѣтъ, имѣя что либо вновь, лишаются прошедшаго, ибо все настоящее состояніе есть уже иное, нежели прошедшее; послѣдовало или возрастаніе или оскудѣніе силы,—это уже не то, что было за минуту. Такимъ образомъ происходитъ непрестанная преемственность—приращеніе или уменьшеніе.

Первое ограниченіе, по которому физическая сила, стремящаяся въ безпредѣльность, и все вовлечь въ себя, не можетъ достигнуть сего, но останавливается дѣйствіями внѣшнихъ силъ, и разширяется на внѣшнее постепенно, есть *пространственность*, или законъ, положенный на ней, и связывающій ее есть законъ *пространства*. А то свойство, которое принадлежитъ какъ физическимъ, такъ и духовнымъ силамъ, то есть, что онѣ не вдругъ проявляются въ своихъ дѣйствіяхъ и не вдругъ все обнимаютъ, но выражаютъ одно за другимъ, пріобрѣтаютъ одно послѣ другаго, такъ что непрестанно нѣчто въ нихъ прирастаетъ или оскудѣваетъ, и состоянія непрестанно измѣняются, есть *временность* или законъ *времени*. Итакъ, чтобы объяснить, какъ пространство и время суть отношенія вещей, надобно воспользоваться понятіями силы ограниченной и неограниченной. Свойство неограниченной силы состоитъ въ томъ, что она дѣйствуетъ на все и дѣйствуетъ безъ перемѣнъ, безъ приращенія или оскудѣнія, обнаруживаетъ вдругъ безъ всякаго задержанія все, что можетъ и хочетъ обнаружить. Но ограниченной силѣ это не свойственно; она удерживается и останавливается прилежащими ей силами, можетъ разши-

рять далѣе свои границы, но не можетъ вовсе уничтожить или переступить ихъ. А это и есть лежащій на ней законъ пространства. Далѣе душа не только въ дѣйствіяхъ физическихъ, но и въ духовныхъ не все то, что могла бы выразить, проявить, выражаетъ и проявляетъ вдругъ, но обнаруживаетъ одно за другимъ, преемственно, получаетъ въ одно мгновеніе то, чего не имѣла въ предшествующее. Это и есть законъ времени, лежащій на ней.

Когда мы испытываемъ это надъ нашею ограниченною силою, что она не одна, но на пути своемъ встрѣчаетъ и другія силы, и отъ нихъ получаетъ взаимно — дѣйствіе (reactio), равно и сама дѣйствуетъ на нихъ: то очевидно, что и другія силы, ограниченныя находящіяся внѣ насъ, также отъ нашей или отъ другихъ силъ встрѣчаютъ себѣ препятствія. На этомъ основаніи мы можемъ перенести тотъ же законъ и на тѣ силы, которыя дѣйствуютъ внѣ насъ. Когда переносимъ оный, то и получаемъ истинное понятіе о пространствѣ и времени. И въ первомъ случаѣ они были бы уже не одними формами нашихъ представленій, но дѣйствительными границами, лежащими отвнѣ и извнутри на нашей силѣ. Но мы имѣемъ право перенесть ихъ и далѣе— на другія силы. Сознавая ограниченность своей силы, мы въ то же время замѣчаемъ, что и на ней лежитъ законъ ограниченія для внѣшняго и внутренняго ея развитія. Итакъ пространство и время не суть ни чувственные предметы, ни вмѣстилища ихъ, ни отвлеченныя понятія, но способы отношенія вещей однихъ къ другимъ, способы ограниченія вещей однихъ другими; именно, способы внѣшняго ограниченія вещей во внѣшнемъ развитіи силъ есть пространство, а способъ внутренняго ограниченія силъ—время. Нѣтъ нужды, что они не суть чувственные предметы, но какъ способы ограниченія силъ сами въ себѣ невидимы, неосязаемы: тѣмъ не менѣе они дѣйствительны. Ибо какъ дѣйствительно существуетъ сила, такъ дѣйствительно присущъ ей и законъ ея; сила безъ закона не только не существуетъ, но не можетъ быть представлена. Сила можетъ являть себя, законъ есть нѣчто совершенно невидимое: но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы сей законъ былъ въ самой силѣ, онъ сознается нами, онъ можетъ быть прирожденъ намъ, но тѣмъ

не менѣе будетъ существовать и въ самыхъ вещахъ; изъ того, что эти отношенія невидимы, не осязаемы для насъ не слѣдуетъ, что они существуютъ только внутри нашего духа, они могутъ быть и внѣ насъ, въ самыхъ вещахъ. Сколько дѣйствительно то, что существуютъ вещи, столько же дѣйствительно и то, что они ограничены. Если это справедливо, то справедливо и то, что это ограниченіе находится не только въ насъ, но и въ самыхъ вещахъ внѣ насъ.

Итакъ объективое значеніе пространства и времени доказывается во первыхъ изъ собственнаго нашего сознанія, изъ наблюденія надъ собственными нашими физическими и духовными силами. Мы примѣчаемъ, что дѣйствованіе ихъ ограничено, что кругъ развитія ихъ сначала бываетъ тѣсенъ, потомъ болѣе и болѣе разширяется. Къ объясненію сего, мы не можемъ далѣе a priori представить другой причины, кромѣ той, что есть преграды, препятствія, задерживающія ихъ дѣйствія, что есть другія силы, ограничивающія ихъ развитіе. Это подтверждается и опытомъ. Итакъ умствованіе и опытъ согласно подтверждаютъ, что эти ограниченія суть не иное что, какъ другія силы, воспящающія нашу силу. И это одно сознаніе есть уже достаточное побужденіе къ тому, чтобы не сомнѣваться въ дѣйствительности пространства и времени, не только какъ законовъ чувственнаго представленія, но и какъ законовъ бытія вещей, не разлучныхъ съ ними. Ибо иное положеніе, что мы такъ должны представлять, а иное, что не можемъ иначе дѣйствовать; первое есть только подлежательное, а второе предлежательное. Доколѣ мы признаемъ пространство и время только преждеопытными законами нашего чувственнаго познанія, дотолѣ они имѣютъ бытіе субъективное, подлежательное. Но какъ скоро мы даемъ имъ значеніе законовъ дѣйствованія и развитія силъ, то они дѣлаются чѣмъ-то объективнымъ, предлежательнымъ, отношеніями вещей, имѣющими бытіе въ самыхъ силахъ, невидимыми, но дѣйствительными отношеніями, лежащими на вещахъ, и связующими оныя.

Далѣе, если бы пространство и время были только законами субъективныхъ нашихъ представленій, а не вмѣстѣ и законами бытія вещей: то что должно было намъ думать о всемъ, существующемъ внѣ насъ? Что все это и наше тѣло

и всѣ другія видимыя существа, если они не связаны этими законами ограниченія? Если бы это было такъ, то все подлежащее нашимъ чувствамъ, было бы нѣчто безформенное, несвязанное закономъ, ничѣмъ неограничиваемое, vaguum, diffluens, dissolutum, нѣчто пустое, хаотическое, сливающееся въ одну массу пустую безъ всякаго порядка, а мы сами вводили бы въ природу вещей порядокъ, форму, очертаніе, размѣръ. Но это значило бы представлять твореніе безъ мудраго Творца, находить нѣчто болѣе странное нежели Епикуровы атомы. Если внѣ насъ нѣтъ порядка, а только мы по необходимымъ законамъ познавательной нашей силы должны такъ представлять, то что будутъ самыя наши представленія? Не иное что, какъ ложь, обманъ, пустая мечта. Напрасно мы будемъ прибѣгать къ тому, что это суть необходимые законы; ибо это будетъ еще опаснѣйшая крайность. Если бы мы признали представленія эти только пустыми вымыслами, или игрою воображенія: то это было бы ложь только нѣкоторыхъ. Но когда утверждаютъ, что они основаны на всеобщихъ законахъ: то очевидно, это есть коренная, принадлежащая всѣмъ ложь и обманъ. Скажемъ болѣе: все внѣ насъ будетъ или ничтожество, или одна субстанція Спинозы, или наконецъ тотъ непонятный для насъ океанъ, который называется хаосомъ. Но хаосъ есть вещь немыслимая: не можетъ быть, чтобы масса вещей ограниченныхъ существовала безъ всякой формы. Если укажутъ намъ на хаосъ, бывшій въ первый день творенія, то вовсе нельзя понимать его въ строгомъ смыслѣ, въ смыслѣ безформенной совершенно матеріи или также какъ представляли его себѣ греческіе мудрецы. Абсолютно безформенная матерія есть одно рефлективное понятіе, на самомъ же дѣлѣ матерія и форма, какова бы послѣдняя ни была, неразлучны. Вообразимъ ли огромную груду песчинокъ или нѣкоторое сліяніе, подобное сліянію воды или воздуха, — все не можемъ представить матеріи безъ формы; если она нѣкогда была пустою и неустроенною, то это означаетъ только неимѣніе тѣхъ частныхъ установившихся формъ, тѣхъ мудрыхъ расположеній, которыя послѣ введены въ матерію, а общее сочетаніе и очертаніе матеріи было съ первой минуты ея происхожденіе. Кантъ хочетъ воображать ма-

терію безъ формы, когда всякое сочетаніе разнообразнаго приписываетъ душѣ нашей, а существуетъ ли оное внѣ нашихъ представленій почитастъ неизвѣстнымъ. Разнообразное совсѣмъ безъ формы есть вещь невозможная; или оно должно имѣть какую либо форму (чего впрочемъ не видно изъ Кантова ученія, ибо всѣ всеобщіе признаки существующаго полагаются только въ насъ, всякое ограниченіе приписывается только душѣ нашей); или, какъ замѣчаетъ Маймонидъ въ разборѣ критической философіи Канта, должно быть абсолютною субстанціею Спинозы. Итакъ чтобы не кружиться самымъ страннымъ образомъ въ этихъ не мыслимыхъ понятіяхъ и чтобы не отрекаться отъ непосредственнаго, ближайшаго и общаго всѣмъ сознанія ограниченности дѣйствующихъ въ насъ силъ и о причинѣ ея, заключающейся во внѣшнихъ силахъ, должно признать, что пространство и время существуютъ не въ насъ только, но и внѣ насъ въ самыхъ вещахъ, пространство, какъ способъ внѣшняго ограниченія бытія и дѣйствованія вещей, время, какъ способъ внутренняго и внѣшняго ограниченія бытія и дѣйствованія.

Но здѣсь встрѣчается затрудненіе, какимъ образомъ пространство можетъ быть способомъ ограниченія вещей, когда оно безмѣрно, безпредѣльно, и иначе не можетъ быть представлено? Если мы представляемъ пространство безмѣрнымъ, то понятіе объ ограниченіи есть нѣчто чуждое для него. Размышляя о семъ вопросѣ, мы встрѣчаемъ эту важную въ Метафизикѣ истину, что разширеніе пространства не прибавляетъ ничего къ реальности и дѣйственности силы, а стѣсненіе пространства ничего не убавляетъ. Наоборотъ есть законъ: чѣмъ обширнѣе во внѣшнемъ бытіи распространяется сила и удаляется, такъ сказать, отъ своего средоточія, тѣмъ она слабѣе, тѣмъ менѣе она имѣетъ реальности, а чѣмъ болѣе сосредоточивается въ самой себѣ, тѣмъ сильнѣе и могущественнѣе. Гдѣ болѣе вѣса и тяжести, тамъ болѣе страдательности и безсилія; видимая огромная масса не есть свидѣтельство о могуществѣ силы, напротивъ невидимость, тонкость, духовность не только не свидѣтельствуютъ о безсиліи, но еще болѣе приближаютъ къ чистѣйшей, духовной силѣ. Можно представлять силу единицей, а пространственное бытіе—дробью; чѣмъ менѣе

дробь (то есть, знаменатель ея), тѣмъ ближе она къ единицѣ, и чѣмъ болѣе, тѣмъ она далѣе отъ нея по своей внутренней величинѣ. Такимъ образомъ мѣра пространства не есть свидѣтельство объ обширности силы. Итакъ пространство есть способъ внѣшняго ограниченія дѣйствованія силъ, безъ него онѣ были бы неограниченны, были бы вездѣ и нигдѣ.

Разсмотримъ далѣе теорію Канта, что пространство и время суть:

1. Чувственныя воззрѣнія, данныя прежде опыта (a priori). Это справедливо. Но должно ли признавать съ Кантомъ, что они не прирождены, а душа сама производитъ ихъ? Душа развиваетъ и раскрываетъ ихъ, но не рождаетъ, или не производитъ. Когда Виновникомъ нашего бытія даны душѣ силы, то вмѣстѣ съ симъ Имъ же даны и законы для дѣйствованія силъ. Чтобы душа могла дать себѣ законы, для этого надлежало бы ей предвидѣть, какъ лучше устроить свои дѣйствія. Но предвидимъ ли мы даже то, что случится съ нами въ слѣдующій часъ или минуту? Творецъ далъ душѣ нашей эти, а не другіе законы, потому что предвидѣлъ, что лучше будетъ, если по этимъ, а не по другимъ законамъ будутъ происходить ея дѣйствія. Итакъ если не предположить предвѣдѣнія, то вкрадется та нелѣпость Епикурова ученія, что душа, по слѣпому случаю, или по необходимости судьбы, дѣйствуетъ такъ, а не иначе. Но мы не могли предвидѣть, не могли избрать изъ многихъ способовъ дѣйствованія самаго лучшаго. Итакъ эти законы даны душѣ нашей Творцемъ ея, прирождены ей, хотя не такъ, чтобы они сознаваемы были, какъ частныя опредѣленныя представленія, въ такомъ видѣ ничто не прирождено душѣ.

2. Пространство и время, по мнѣнію Канта, суть воззрѣнія (intuitiones), а не понятія (conceptus), впрочемъ, воззрѣнія чистыя, не такія, которыя получаются отъ чувственныхъ предметовъ, но какія-то пустыя, не наполненныя, простирающіяся въ безпредѣльность. Это близко къ истинѣ, покрайней мѣрѣ, справедливо то, что они не суть понятія общія, отвлеченныя, не суть воззрѣнія частныя, каковы воззрѣнія опытныя. Если они не суть произведенія ни разума,

ни опыта: то остается принять ихъ за представленія чувственной познавательной силы прежде опыта (a priori), какъ представленія неопредѣленныя. И это должно объяснять себѣ такъ, что они суть такое направленіе, устремленіе (nisus) нашей души, по которому мы, обращаясь къ предметамъ, ищемъ въ нихъ ограниченности, ищемъ одного подлѣ другаго, и одного послѣ другаго, или бытія въ пространствѣ и времени.

3. Что пространство и время суть представленія всеобщія и необходимыя, это справедливо и доказано основательно.

Итакъ дѣйствительное существованіе пространства и времени, не только какъ законовъ бытія вещей внѣ насъ, доказывается подлежательно, субъективно, но и предлежательно объективно: изъ наблюденій надъ собственными нашими силами и изъ сознанія ихъ ограниченности; предлежательно— изъ подобнаго умствованія о силахъ, окружающихъ насъ, какъ ограниченныхъ, мы никакъ не можемъ отнять отъ нихъ ограниченія пространствомъ и временемъ.

Но какъ первоначальныя формы пространства и времени истинно существуютъ не только въ нашихъ чувственныхъ представленіяхъ, но и самыхъ предметахъ представленій, и не только внутри насъ, но и въ бытіи окружающихъ насъ вещей, такъ истинно должны существовать и происходящія изъ нихъ понятія, какъ ихъ принадлежности.

Такъ во 1-хъ пространству принадлежатъ три измѣренія: длина, широта и высота или глубина, растяженіе (extensio), очертаніе или фигура (limes extensionis), мѣсто и движеніе Длина представляется, какъ направленіе одной точки, движущейся въ одну сторону; — широта, какъ направленіе въ двѣ стороны; глубина, какъ направленіе въ три стороны. Растяженіе есть то свойство чувственной вещи по которому она занимаетъ различныя части пространства, удобно отдѣляемыя одна отъ другой. Если растяженіе представляетъ имѣющимъ предѣлы, то это ограниченіе его будетъ очертаніе, фигура; самая часть пространства, занимаемая опредѣленною фигурою, есть мѣсто. Представляя вещь занимающею одно мѣсто, мы пріобрѣтаемъ понятіе *покоя*. Когда же вещь перемѣнетъ мѣсто, то изъ этого происходитъ по-

нятіе движенія. Вотъ главныя и общія понятія, развивающіяся изъ представленія пространства! Впрочемъ должно замѣтить, что еслибы чувственный опытъ не помогалъ развитію неограниченнаго, неопредѣленнаго представленія пространства, то мы не могли бы получить этихъ опредѣленныхъ, производныхъ представленій; ибо онѣ суть представленія неопредѣленныя, а ничего опредѣленнаго въ духѣ нашемъ первоначально нѣтъ. Мы получаемъ ихъ уже тогда, когда видимъ одно направленіе преграждаемое, ограничиваемое другимъ: это суть такія свойства, такія построенія пространства, кои раскрываются и объясняются опытомъ. Впрочемъ сіи качества вещей, потому паче всѣхъ другихъ чувственныхъ качествъ заслуживаютъ наименованіе всеобщихъ, или какъ справедливо называемъ Локкъ, первостепенныхъ (qualitates primariae), что онѣ ближе всѣхъ прочихъ привязаны къ представленію пространства, и не принадлежатъ ни одному изъ пяти чувствъ нашихъ, но суть всѣмъ общія.

Какъ изъ понятія пространства, когда вводится оное въ предѣлы, получаемъ всѣ прочія производныя свойства: такъ и представленіе времени, какъ величины неизмѣряемой, когда будемъ вводить въ предѣлы, то получаемъ первоначальные его принадлежности. Изъ таковыхъ ближайшее производное понятіе есть *продолженія*. Продолженіе есть ограниченная часть времени, такъ какъ мѣсто есть часть пространства, такая часть, въ коей мы представляемъ положенную, живущую, дѣйствующую, ограниченную силу. Въ опредѣленномъ же времени не можемъ не различать трехъ главныхъ моментовъ,—какъ бы начало, средину и конецъ, то есть прошедшее, настоящее и будущее. Опредѣленное представленіе прошедшаго, настоящаго и будущаго вытекаетъ изъ того главнаго закона времени, по которому ограниченнымъ силамъ свойственно разнообразное положеніе, перемѣнчивость, преемственность средосостояній. Когда наступаетъ такое состояніе, въ которомъ мы испытываемъ, наблюдаемъ нѣчто новое, неиспытанное, а что истытали прежде, того не видимъ; то теперешнее состояніе сравненное съ прежнимъ полагаемъ ясное различіе между прошедшимъ и настоящимъ временемъ. Когда то было, чего теперь нѣтъ — это принадлежитъ прошедшему. Настоящее же, въ коемъ

есть то, чего не было прежде. Когда чего-то ожидаемъ, чего нѣтъ, когда чувствуемъ недостатокъ, лишеніе чего-то такого, что придетъ, — представляемъ будущее. Какъ на вещахъ дѣйствительно лежитъ законъ времени, такъ и частные виды времени объемлютъ ихъ, и ограниченныя существа не могутъ исторгнуться изъ представленій настоящаго, прошедшаго и будущаго. Здѣсь входятъ въ разсмотрѣніе важные вопросы: пространство можетъ ли до безконечности разширяться и до безконечности можетъ ли дѣлиться? Равно время можетъ ли имѣть безконечное продолженіе и безконечное дѣленіе? На все сіе отвѣтствуемъ отрицательно и во-первыхъ:

1) Пространство въ дѣйствительности наполненное матеріею не есть безпредѣльно. Ибо что такое пространство въ самой дѣйствительности? Законы ограниченія вещей. И если законъ безпредѣленъ, то значитъ, что и самыя вещи безпредѣльны. Ибо законъ соединенъ съ ними неразрывно; онъ не есть нѣчто самостоятельное, и въ отдѣльности можетъ существовать только мысленно въ сознаніи существъ разумныхъ. Но не нелѣпо ли представлять дѣйствительно безпредѣльнымъ то, чѣмъ дѣйствительно полагаются предѣлы вещамъ, въ бытіи коихъ и ограниченности непосредственно увѣряетъ насъ опытъ? Каждая зримая нами вещь, объемлемая нашимъ чувствомъ, потому и различается отъ другихъ вещей, что имѣемъ опредѣленное мѣсто, опредѣленную фигуру, извѣстную мѣру, въ которую какъ бы влагается и такимъ образомъ дѣлается удобообъемлемою. Иначе мы бы не могли ничего ни объять, ни отличить. А ежели такъ, — ежели ни одна ограниченная пространствомъ вещь, потому уже, что ограничена, объята, заключена въ извѣстныхъ предѣлахъ, не можетъ быть безпредѣльною, а слѣдовательно и то, что ограничиваетъ, полагаетъ преграду, препятствіе силамъ, удерживаетъ оныя простираться въ безконечность, невозможно представлять въ дѣйствительности безпредѣльнымъ, то отсюда и цѣлая совокупность вещей также не можетъ быть безпредѣльна и неизмѣрима. Изъ конечныхъ частей не возможно составиться безконечному цѣлому. А если совокупность частей не безпредѣльна, то и пространство, весь міръ объемлющее, какъ не отдѣльное отъ самыхъ вещей,

безпредѣльно быть не можетъ. Еслибы не было міра чувственнаго: то не было бы и пространства. Итакъ пространство далѣе чувственнаго міра, который ограниченъ, разширяться не можетъ. Кантъ возражаетъ, что намъ нельзя представить такого края пространства, за коимъ бы совершенно ничего не существовало; ибо совершенное ничто не можетъ быть мыслимо. Отъ представленія совершеннаго ничтожества отвращается душа наша. Но никакъ не должно смѣшивать нашихъ представленій о пространствѣ съ самымъ дѣйствительнымъ пространствомъ, переносить законъ представленія на законъ бытія. Въ нашемъ представленіи подлинно всякая величина пространства можетъ разширяться въ безпредѣльность, всегда мы можемъ представить величину одну другой больше. Но сіе безконечное разширеніе принадлежитъ только нашей производительной силѣ воображенія, которой дѣло есть построевать геометрическія фигуры, полагая предѣлы онымъ. А представленіе, разширяющееся въ безпредѣльность, отнюдь не есть истинное безконечное. Это только продолжающееся дѣйствіе силы представительной,—значитъ, что ограниченная сила имѣетъ возможность не стѣсняться величинами опытными, а разширять предѣлы свои далѣе и далѣе, и сіе продолжать весьма неопредѣленно. Симъ выражается только ограниченность человѣческая, по коей онъ всего объять и изчислить не можетъ. Но въ самомъ дѣлѣ сіе свойство силы представленія данное сей какъ бы для дальнѣйшаго всегда поощренія и любовѣденія— не можетъ имѣть мѣста въ вещахъ ограниченныхъ. Съ другой стороны, если дѣйствительное пространство, объемлющее міръ, а слѣдовательно и самый міръ границъ не имѣетъ, слѣдуетъ, что онъ не только для человѣскаго представленія, но и для всякаго разумѣнія не вмѣстимъ, слѣдуетъ, что и Высочайшій Божественный умъ объять его не можетъ, но тогда слѣдовало бы, что есть нѣчто кромѣ Бога неограниченное,—что нелѣпо. Только Существо Божественное, Его силы и дѣйствованіе неограниченны; внѣ Его нѣтъ ничего неограниченнаго. Кто устроилъ все, Тотъ и вѣдаетъ все, потому что оное устроилъ, и зналъ все еще прежде существованія его (прежде неже бѣша Тебѣ извѣстна суть) А когда Высочайшій умъ все объемлетъ, то безконечность

міра и содержащаго оной въ себѣ пространства совершенно изчезаетъ. Итакъ разширеніе пространства въ безпредѣльность принадлежитъ только нашему представленію, а не относится къ міру дѣйствительному.

2) Пространство также не есть въ безконечность дѣлимо. Если человѣкъ не можетъ достигнуть предѣла въ дѣленіи; то однако же изъ сего не слѣдуетъ, чтобъ и въ дѣйствительности матерія была до безконечности дѣлима. Если число частей, на кои можетъ дѣлиться матерія, было безконечно; тогда также слѣдовало бы, что и цѣлое безконечно, что явно нелѣпо И при томъ, тогда сіи части безчисленныя и безконечныя, были бы безчисленны и безконечны и для самаго Ума Безконечнаго. Но въ Умѣ Божественномъ всѣ самомалѣйшіе атомы изчислены, всѣ многообразнѣйшіе способы сочетанія ихъ опредѣлены, и всякая вещь со всѣми своими частями приведена въ *число*, *мѣру и вѣсъ*. Да и совершенно нельзя понять, что такое — дѣленіе въ безконечность. Если дѣйствительно матерія раздѣляется; то какая тутъ можетъ быть безконечность? Дѣленіе и безконечность суть понятія противорѣчущія и несовмѣстимыя. Здѣсь опять надобно тоже сказать, что и выше, т. е., что безконечное дѣленіе величинъ есть только неопредѣленное, въ даль простирающееся дѣйствіе силы воображенія, которое всегда можетъ представлять величину меньшую всякой данной, но на самую дѣйствительность сего переносить нельзя.

3) Время не можетъ быть безмѣрно великимъ. Здѣсь не имѣетъ силы наблюденіе, что представительная сила можетъ простирать рядъ дѣйствій въ безконечность. Сколько бы она ни далеко возводила сей рядъ въ прошедшее, но она должна гдѣ нибудь предположить начало онаго. Время должно имѣть начало. Ибо что такое время? Законъ ограниченія вещей по внутреннему и внѣшнему ихъ между собою отношенію и развитію силъ ихъ. Какъ законъ, оно не разлучно съ самыми вещами. Если время безначально, то и совокупность вещей безначальна,. Внѣ дѣйствительнаго бытія ограниченныхъ силъ время существуетъ только мысленно. Противу начала времени выбранъ Кантомъ крѣпчайшій доводъ, какъ ему кажется, въ его антиноміяхъ. Если міръ, или время наполненное имѣетъ начало, то наконецъ должно

дойти до онаго начала мысленно;—чтожъ было прежде наполненнаго времени? Конечно время пустое, ни чѣмъ не наполненное; а въ пустомъ времени, если можно различать части онаго, каждая изъ нихъ совершенно равна другой, не такъ, какъ во времени наполненномъ, а посему не разственное къ тому, чтобъ вышло нѣчто новое, или не вышло. Ни въ какой части нельзя найти причины, почему бы открыться новому порядку времени наполненнаго. Почему міръ именно началъ за столько тысячъ лѣтъ не прежде и не послѣ? Почему въ той части пустаго времени, а не въ другой открылось нѣчто новое—совсѣмъ нѣтъ причины. Но дѣло состоитъ въ томъ, что совсѣмъ нѣтъ нужды различать время пустое отъ наполненнаго, и искать въ самомъ времени новый порядокъ вещей. Время не есть что нибудь самостоятельное. Григорій Назіанзенъ говоритъ въ сти„хахъ, что „это пустое умствованіе, когда мы прежде міра „полагаемъ (начало) времени. Оно открылось съ бытіемъ „міра, а прежде онаго не существовало". И подлинно, это было не время, а вѣчность! Существовала одна безпредѣльная сила, неограниченная, не измѣняемая въ своихъ дѣйствіяхъ. Конечно идеально существовало и время въ умѣ Божественномъ, какъ законъ такого, а не другаго послѣдованія вещей ограниченныхъ, какъ напр. продолженіе жизни каждаго человѣка и проч. Но это не есть вѣчность времени. Даже идея сія такого рода, что она представляетъ время большее или меньшее, а не безмѣрное. Если бы время и міръ были безъ начала, то и Умъ Божественный не объялъ бы ихъ. Но сіе не возможно. И такъ по неограниченности Ума Божественнаго время, какъ законъ развитія существъ ограниченныхъ, не есть безпредѣльно. Но сіе очевидно и изъ самаго существа вещей, съ коими неразлучно соединенъ сей законъ времени. Съ другой стороны Кантъ приводитъ такое доказательство противъ вѣчности времени (что составляетъ другую часть Онтологіи). Въ мысляхъ нашихъ мы ограничиваемъ время; ибо мы примѣчаемъ, какое время протекло доселѣ; потомъ чрезъ нѣсколько минутъ протекло новое время; мы отличаемъ одно время отъ другаго,—то, которое протекло за нѣсколько годовъ; представляемъ одинъ кругъ времени болѣе другаго. Теперь, если положимъ, что время не

имѣетъ начала;—то изъ того выдетъ, что безконечное время до сей минуты протекло, потомъ безконечное разсѣялось и одно другаго было бы болѣе. Это нелѣпо. Здѣсь нужно доказать то, что наше раздѣленіе времени на разные періоды не есть произвольное—безосновательное; оно основано на самомъ существѣ вещей. Время какъ законъ ограниченія вещей не разлучно съ дѣйствіями оныхъ. Въ дѣйствованіи же силъ, наполняющихъ время видимъ непрестанную разность, перемѣнчивость, преемственность: потому и справедливо отличаемъ періодъ отъ періода. Правда и то, что съ самаго начала дѣйствованія силъ, ни одна изъ нихъ совершенно не пресѣкалась, но виды или формы дѣйствованія силъ ощутительно перемѣняются; и это даетъ причину къ разграниченію періодовъ. И такъ истинно то, что и время не есть безконечно, но имѣетъ начало.

Наконецъ 4. Невозможность безконечнаго дѣленія времени въ дѣйствительности также можно доказать, какъ и невозможность таковаго же дѣленія пространства. Кратко: способы нашего представленія какъ въ размноженіи, такъ и въ раздробленіи пространства и времени ни мало не доказываютъ ихъ дѣйствительной безконечности. Они сами суть только неопредѣленны, но не безконечны.

Ученіе о Категоріяхъ.

Доселѣ мы разсуждали о способности чувственной и разсматривали, какія, на основаніи ея первовачальныхъ законовъ, открываются первоначальныя же свойства въ самыхъ вещахъ, дѣйствительно существующихъ. Но въ насъ еще есть другая, выше чувственности, способность—разумъ, который отличается отъ оной способности тѣмъ, что ему принадлежитъ дѣйствованіе по собственнымъ законамъ. Въ дѣйствованіи чувственой способности душа только страждетъ, увлекается впечатлѣніями. Подчинять оныя своему закону, это не есть уже дѣйствіе чувственности. Возмемъ напр. фантазію. Она есть способность не только воспроизводительная, но и производительная. Это, кажется, уже самодѣятельная способность, и правда, въ ней есть самодѣятельность, (Spontaneitas) но еще не свобода (libertas), ея дѣятельность происходитъ не по свободному выбору. Въ самомъ построеніи новыхъ образовъ душа хотя не связана внѣшнею чувственностію, но все же ограничена своимъ внутреннимъ механизмомъ. Правда, стихотворецъ въ бодрственномъ состояніи, умѣетъ направлять по своему произволу дѣйствія фантазіи, но здѣсь бываетъ уже не одно дѣйствіе фантазіи, но привходитъ и дѣйствіе разума. Но въ грезахъ, гдѣ не участвуетъ разумъ, гдѣ фантазія бываетъ только производительною, душа дѣйствуетъ по необходимому механизму, если не внѣшнему, то внутреннему.Въ дѣйствіяхъ только разума въ первый разъ является свобода; это бываетъ такимъ образомъ: человѣкъ отторгаетъ себя отъ непрестаннаго прилива чувственныхъ впечатлѣній, противополагаетъ себѣ многовидное не *я* и отличаетъ свое *я* отъ представленія предмета, уходитъ въ самаго себя, и, пересматривая образы и представленія, полученныя воображеніемъ и памятію, ищетъ въ нихъ сходства и не сходства, не того уже, которое представляется въ

пространствѣ, но однородности и разнородности, что можно съ чѣмъ связать, и что отдѣлить. Такимъ образомъ отдѣляться отъ страдательнаго впечатлѣнія и свободно овладѣвать своимъ стяжаніемъ есть дѣло только разума. Откуда же сіе исканіе единства? Отъ того, что душа имѣетъ самосознаніе, представленіе о своемъ я, и сіе представленіе постоянно, тождественно пребываетъ. Если бы она сего не имѣла, не могла бы отторгнуться отъ потока впечатлѣній. Но поелику ей назначено восходить далѣе, заниматься собою, себя сознавать, отъ того она исторгается изъ разнообразія и ищетъ единства, ибо токмо въ дѣйствіяхъ разумовъ первый разъ является самосознаніе. Итакъ на томъ самомъ и основано право влагать единство въ разнообразное, что человѣкъ сознаетъ самаго себя, какъ единую пребывающую субстанцію, и обосновываетъ на себѣ то, что внѣ его находится измѣняющееся. Сознавать самаго себя среди множества постоянно единымъ основаніемъ, единымъ центромъ, въ которомъ все внѣшнне сосредоточивается, это есть главное содержаніе того, что называется (conscientia sui ipsius), самосознаніемъ. И поелику съ нимъ не разлучно соединенъ и дѣйствуетъ разумъ, то и онъ ищетъ единства и основанія для всѣхъ вещей. Если взойти еще далѣе, то откроется, что и самосознаніе души не есть еще нѣчто первоначальное, и оно не могло бы держаться на самомъ себѣ, если бы не было для него начала и основанія высшаго. Быть единымъ, быть основаніемъ—душѣ принадлежитъ не самой по себѣ, но потому, что она есть образъ истинно единаго, истиннаго основанія, для коего болѣе нѣтъ высшаго основанія: потому она и сознаетъ себя единою, что сознаетъ себя образомъ Единаго. Какъ для бытія всего основнаго, твердаго, совершеннаго, необходимо одно начало, такъ и для основанія такого бытія за собою нужно сознаніе о единомъ, высшемъ Началѣ. Если бы не было сознанія о Богѣ, какъ о первоначальной единицѣ, какъ о самосущемъ, то не было бы сознанія и о себѣ самомъ, какъ о единомъ центрѣ окружающихъ вещей. Какъ начало бытія есть единое начало, такъ и начало сознанія такого бытія, есть сознаніе онаго начала; а сознаніе онаго есть умъ. Итакъ, наше самосознаніе получаетъ начало въ умѣ.

Слѣдуетъ теперь разсмотрѣть, какъ сіе двоякое направленіе разума обнаруживается въ частныхъ формахъ, извѣстныхъ подъ именемъ категорій. Въ Кантовой таблицѣ категорій видимъ правильнѣйшій предъ прочими порядокъ въ изчисленіи формъ разума. Здѣсь чувственное изключено, однородное же развивается одно изъ другаго, и прежде полагается; формы приведены къ общимъ нѣкоторымъ началамъ и основаніямъ. Впрочемъ доселѣ остается неразрѣшеннымъ, точно-ли сими 12-ю формами ограничивается весь кругъ первоначальныхъ представленій разума, точно-ли онѣ выведены въ такомъ порядкѣ, какъ развиваются въ разумѣ, точно ли онѣ выведены въ такомъ порядкѣ, какъ развиваются въ разумѣ, точно-ли относятся къ 4-мъ классамъ — во всемъ этомъ еще много недоразумѣній. Обозрѣвая ихъ, желали бы мы болѣе видѣть въ нихъ единства; множественность ихъ затрудняетъ насъ, чувствуемъ нужду выводить оныя изъ одного начала, или по крайнѣй мѣрѣ изъ простѣйшихъ началъ; впрочемъ во всемъ ихъ примѣненіи общее направленіе разума—искать для разнообразнаго — единства и для условнаго—основанія Четыре главные класса, къ коимъ они относится, суть: количество, качество отношеніе вещей и образность. Точно, когда мы размышляемъ о какой нибудь вещи, то не можемъ избѣжать, чтобы не подводить ее подъ каждую изъ сихъ категорій; но точно-ли тотъ долженъ быть порядокъ? представляется всегда, что категорія modalitatis есть самая первая и ближайшая. Прежде всего представляется вопросъ—есть ли что или нѣтъ? потомъ уже спрашиваемъ: каково то, колико, въ какомъ отношеніи. У Канта сія категорія занимаетъ послѣднее мѣсто, подлѣ взаимнаго отношенія вещей, подъ именемъ „подлежательнаго отношенія“. Правда, съ духомъ его системы сіе сообразно; но съ существомъ вещей это согласить трудно. Доколѣ мы разсуждаемъ о возможности, т. е. находимъ только чистыя наши представленія о какой либо вещи внутренно согласными, говоримъ, что это возможно: дотолѣ вещь не выходитъ изъ представленія нашего, здѣсь точно бываетъ только отношеніе вещей къ нашему представленію (relatio ad mentem), но далѣе, когда мы мыслимъ о бытіи дѣйствительномъ или необходимомъ, здѣсь уже гораздо болѣе, нежели только

отношеніе къ уму показывается; хотя бы не было познающаго, необходимо существующее было бы независимо отъ всѣхъ отношеній. Естественно прежде всего представляется вопросъ: существуетъ-ли что нибудь? на оный точно три вида рѣшеній, кои должно сопоставлять: можетъ существовать—possibile est, существуетъ дѣйствительно—existit; существуетъ необходимо—necessario existit. Потомъ слѣдуютъ вопросы: колико? каково? въ какихъ находится отношеніяхъ?

Категоріи выражаютъ потребность разума искать единства, и какъ оная основывается на первоначальномъ законѣ ума, такъ и о всѣхъ категоріяхъ можно сказать, что онѣ суть прежде опыта, но не самымъ разумомъ построеваются. Онъ поставленъ на срединѣ между міромъ измѣняемымъ и бытіемъ вѣчнымъ, неизмѣняемымъ; непосредственно обращенныя къ онымъ способности суть умъ и чувственность; а онъ занимаетъ между обѣими средину, и во всѣхъ его категоріяхъ видны слѣды обоихъ; такъ на первый вопросъ: существуетъ ли что нибудь? когда отвѣчаетъ чувственность, представляетъ только какіе-то смѣшанные виды, только случайность, она не можетъ сказать est, а только apparet представляется, т. е. опытъ внѣшній и внутренній предлагаетъ только такое бытіе, которое каждую минуту связано съ небытіемъ, представляетъ картину боренія жизни со смертію, бытія съ разрушеніемъ: contingens et indifferens, ut sit vel non sit, quod potest esse et non esse, hoc et alio modo esse; слова *сый*—ὤν, чувственность сказать не можетъ, и если бы не было въ умѣ предчувствія о истинно сущемъ, коему принадлежитъ жизнь безъ всякой опасности разрушенія, бытіе совершенно отрѣшенное отъ небытія, которое не можетъ не быть; то и разумъ не имѣлъ бы права вырваться изъ потока случайности и искать твердаго и необходимаго. Итакъ и при первомъ вопросѣ онъ является на срединѣ между чувственностію и умомъ. Его дѣло съ двухъ сторонъ свыше и сниже привходящія противныя свидѣтельства между собою сравнивать и спрашивать: какъ же это должно быть согласно — случайное и необходимое? надобно, чтобъ одно другимъ поддерживалось. Такъ и при вопросѣ о количествѣ вещей, чувственности принадлежитъ представлять многое varium, multiplex, а единаго и всего въ истинномъ смыслѣ

она не представляетъ; но разумъ имѣя общеніе съ умомъ и заимствуя оттолѣ высшее основаніе, на семъ и останавливается. Поелику идея и предметъ ума есть чистѣйшая единица, и поелику быть единицею сообщено душѣ, какъ образу оной единицы; а сознаніе души неразлучно съ дѣйствіемъ разума; то отсюда, происходитъ, что и разумъ не увлекается множественностію, но ищетъ единства. Когда бы все множественное можно было подчинить единству, то отсюда произошло бы представленіе о всемъ. Такимъ образомъ и на сей вопросъ разумъ находитъ рѣшеніе, опираясь — на тѣхъ же основаніяхъ — на умѣ и чувственности, т. е., для многаго онъ ищетъ единства. Изъ понятія единства не можетъ произойти понятіе о разнообразіи чувственномъ и изъ разнообразія чувственности о единствѣ. На вопросъ о качествѣ вещей чувственность опять не даетъ полнаго отвѣта, ея отвѣтъ есть послѣдняя категорія—ограниченіе. Но представленіе разума о такомъ существѣ, коему все совершеннѣйшее, истиннѣйшее принадлежитъ безъ всякаго недостатка и ограниченія—de ente realissimo, заимствуется только отъ ума. Наконецъ при разсматриваніи отношенія вещей иное представляетъ чувственность, иное умъ; а разумъ ищетъ одно другимъ подтвердить. Чувственность представляетъ только зависимое, съ ней одной разумъ не имѣлъ бы понятія о внутреннемъ основаніи внѣшнихъ явленій вещей, не имѣлъ бы заботы для дѣйствій искать причинъ, и всю связь причинъ и дѣйствій представлять во взаимной связи, во взаимнодѣйствіи (commercium), но все сіе основывается на томъ, что разумъ дѣйствуетъ подъ направленіемъ ума, коему собственно принадлежитъ —находить твердое основаніе въ вещахъ. Но Онтологіи принадлежитъ собственно рѣшить, точно-ли онымъ категоріямъ разума соотвѣтствуютъ дѣйствительныя свойства вещей, точно-ли имъ принадлежитъ valor constitutivus, истинность предлежательная, или только valor regulativus, т. е. они имѣютъ силу, какъ законы познанія, когда силы представительныя по первоначальнымъ необходимымъ и всеобщимъ законамъ обязаны такъ, а не иначе вещи представлять для того, чтобы цѣлая система нашего познанія могла имѣть связь и единство. По ученію Канта, имъ принадлежитъ только valor regulativus: все это нужно для то-

го, чтобы множество представленій не разсыпалось въ безпорядкѣ, но было въ связи, въ единствѣ, а чтобы симъ законамъ соотвѣтствовали самыя свойства вещей, сего мы сказать не можемъ. Но это еще менѣе понятно, нежели опроверженіе чувственнаго міра и чувственныхъ свойствъ вещей. Иныя изъ категорій такъ близки къ непосредственному увѣренію, такъ необходимы, что не остается болѣе ничего требовать для увѣренія въ ихъ предлежательной дѣйствительности. Такъ наприм. возмемъ самый первый вопросъ: существуетъ-ли что нибудь? на сей вопросъ необходимо отвѣтствуется, что есть existentia realis—дѣйствительное существованіе. По мнѣнію Канта и это будетъ только законъ представленія, а нѣтъ его на самомъ дѣлѣ. Но тутъ заключается противорѣчіе въ самомъ мнѣніи. Говорится, что есть законы познанія и представленія, а между тѣмъ не принимается, что есть дѣйствительно что нибудь. Все сіе (законы представленія — категоріи) держится на словѣ: *быть*, все сіе составляетъ частные виды бытія, и однакожъ остается подъ сомнѣніемъ, есть-ли какое бытіе? Если сомнѣваются въ существованіи всего внѣшняго; то не могутъ сомнѣваться въ существованіи законовъ внутреннихъ; а и этого уже для насъ довольно; значитъ, что законы не суть вымыселъ, мечта, или только искомое что-либо, а не данное. Они намъ даны; а не вновь построеваются. Когда же есть представленіе и законы оныхъ, то они не одни, но и причины и основаніе ихъ — подлежащее ихъ существуетъ, также дѣйствительно, какъ-то и доказано уже выше.

Такимъ образомъ довольно ограничиться сими законами представленія, чтобы видѣть несправедливость Кантова мнѣнія о подлежательной ихъ силѣ, самое его изложеніе сихъ законовъ во всѣхъ частяхъ будетъ опроверженіемъ онаго; т. е. разбирая всѣ категоріи, какъ онъ изобрѣлъ ихъ, открылъ сіи законы, можно уже найти всѣ категоріи въ дѣйствительности. Такъ можно найти въ нихъ и признаки возможности. Ибо когда онъ изыскиваетъ взаимное отношеніе и согласіе сихъ законовъ, то сознаетъ, что они не противорѣчатъ себѣ, не разрушаются, неиспровергаютъ себя взаимно, слѣдовательно возможны. Далѣе онъ всѣмъ имъ приписываетъ необходимость и всеобщность. Необходимость по-

тому, что всякое другое свойство можно изъять изъ сознанія, но сихъ представленій о вещахъ изгладить не можно; всеобщность потому, что никакое существо, сими способностями одаренное, не можетъ дѣйствовать, не выполняя сихъ законовъ. И когда онъ сіе утверждаетъ, то конечно, хочетъ не того, чтобы это не было принимаемо за правду, точно ищетъ, чтобы каждый не по вѣрѣ только принялъ, но по собственному сознанію открылъ и изъяснилъ для себя, что сіи законы есть точно въ немъ самомъ. Что касается до количества, тоже самое мнѣніе Канта доказываетъ, что и это есть нѣчто предлежательное, свойство дѣйствительно вложенное въ вещи; онъ не отречется, что категорій имъ измышленныхъ 12. И такъ въ этомъ самомъ построеніи найдется множественность и единство.

Такимъ образомъ въ самомъ дѣйствіи построенія категорій мы найдемъ болѣе, нежели valorem regulativum — предлежательную истинность оныхъ, это есть первый шагъ къ увѣренію въ ихъ истинности. Далѣе откроется и то, что всѣ сіи законы не существуютъ только въ размышленіи, но и въ самыхъ вещахъ. И поелику, какъ мы выше видѣли, разумъ занимаетъ средину между умомъ и чувственностію, кои непосредственно обращены къ непосредственному бытію: одинъ къ неизмѣняемому, а другая къ измѣняемому, то и каждая изъ главныхъ категорій разума можетъ имѣть приложеніе частію къ бытію феноменальному, частію къ самой сущности вещей.

Вникая въ свойство, какъ внутренней дѣятельности души, такъ и внѣшняго видимаго міра, мы нашли, что та и другой подлежатъ ограниченію, и первоначальные виды ограниченій оныхъ суть пространство и время, изъ сихъ непосредственно происходящія нѣкоторыя болѣе частныя свойства, которыя лежатъ, такъ сказать, на ограниченныхъ существахъ, а не суть только одни формы чувственности. — Теперь, простираясь далѣе къ законамъ разума, мы удостовѣряемся, что и они не суть только законы представленія, но вмѣстѣ и законы предлежательнаго бытія вещей, и въ семъ смыслѣ суть только новые виды ограниченія вещей. По первому направленію разума, который ищетъ, существуетъ-ли что нибудь? обращаясь къ вещамъ, чувствамъ под-

лежащимъ, мы не встрѣчаемъ ни одной, которая бы существовала сама собою непреложно, но во всѣхъ находимъ жизнь, колеблющуюся между бытіемъ и небытіемъ. А таковое соединеніе дѣйствительнаго бытія и вмѣстѣ возможности бытія и небытія само даетъ намъ полное право на приложеніе къ вещамъ оной категоріи разума, именно сіи свойства вещей вполнѣ соотвѣтствуютъ возможности и дѣйствительности, заключающимся подъ одною главною категоріею образности. Такимъ образомъ возможность и дѣйствительность принадлежатъ всѣмъ вещамъ конечнымъ, какъ не отъемлемыя условія ихъ предлежательнаго бытія, безъ коихъ вещь ограниченная, не была бы таковою, какова есть, и изъ коихъ посему слагается новый видъ ограниченія— случайность, слѣдовательно оныя не суть только необходимыя формы нашего представленія.

Далѣе, по второму направленію разума, т. е. чтобы измѣрять, изчислять, искать количества, обращая взоръ на внѣшнія вещи, равно какъ и на внутреннія дѣйствія души нашей, мы встрѣчаемъ новый видъ ограниченія: потому разумъ можетъ изчислять и измѣрять, что есть нѣчто какъ въ насъ, такъ и внѣ нашего *я*—такое, что подлежитъ измѣренію и исчисленію, т. е. многое, разнообразное и количественное, которое онъ съ другой стороны старается привести къ единству, утвердить, основать на единомъ, въ мірѣ нами нигдѣ не встрѣчаемомъ, по крайней мѣрѣ, во всей чистотѣ, полнотѣ и безпримѣсности. Хотя и всѣ существа, составляющія міръ болѣе или менѣе связаны единствомъ, но единое, какъ единое, во всей ограниченности существъ, не открывается. Такимъ образомъ категорія количества имѣетъ истинное примѣненіе къ вещамъ ограниченнымъ, поколику имъ дѣйствительно и собственно принадлежитъ множественность, которая въ смыслѣ подлежательномъ есть одна изъ категорій, заключающаяся подъ категоріею количества.

По третьему направленію разума, разсматривая качества и свойства вещей, новыя встрѣчаемъ ограниченія. Наблюдая за перемѣнами, происходящими внѣ и внутри насъ, видимъ вездѣ качества и свойства неполныя, непостоянныя, непрестанно прибывающія или оскудѣвающія. Въ мысленномъ качество (essentia rei) всегда бываетъ обширнѣе, въ дѣй-

ствительномъ же явленіи сихъ качествъ ни одна вещь неимѣетъ всего, что имѣть можетъ. Это значитъ, что принадлежности всѣхъ вещей состоятъ въ смѣшеніи положительнаго съ отрицательнымъ, что ясно показываетъ повсюдное ограниченіе существъ, міръ наполняющихъ. Поелику ограниченіе есть не иное что, какъ лишеніе, отрицаніе, или недостатокъ высшей существенности, нежели какою обладаютъ и обладать могутъ существа конечныя. Итакъ соотвѣтствіе дѣйствительныхъ принадленожностей, открываемыхъ въ самыхъ вещахъ, съ категоріею качества очевидно.

По четвертому направленію разума, разсматривая отношеніе вещей, когда дѣлаетъ примѣненіе ко внѣшнему и внутреннему бытію, опять встрѣчаетъ ограниченность, предѣльность, конечность, видитъ повсюду взаимную зависимость, такъ что одно безъ другаго существовать не можетъ. Всякое существо имѣетъ нужду въ содѣйствіи другаго для поддержанія бытія своего. Сія зависимость, по которой все держится на преждесуществующемъ, есть зависимость дѣйствій отъ причинъ (nexus causalitatis). Такимъ образомъ дѣйствія держатся на силахъ, силы же опять на субстанціяхъ, но субстанціи же будучи поставлены во взаимно дѣйствіи (in mutuo commercio) другъ отъ друга зависимы, такъ что ни одна изъ нихъ не есть самостоятельна, но будучи причиною вмѣстѣ сама есть дѣйствіе другой причины; словомъ: всздѣ усматриваемъ зависимость другъ отъ друга, а бытія безусловнаго невидимъ нигдѣ. Итакъ и сіи формы разума, заключающіяся подъ категоріею предлежательнаго отношенія, суть для насъ новые указатели повсемѣственной ограниченности вещей, подлежащихъ опыту внѣшнему и внутреннему.

Но категоріи разума не только имѣютъ примѣненіе въ мірѣ чувственномъ, какъ думаетъ Кантъ, но также и къ бытію неограниченному и всесущественному; какъ то категорія необходимости, единства и пр.

Къ сему-то отрѣшенному, безконечному существу теперь намъ обратиться должно. Здѣсь надобно уже вступить намъ изъ области разума въ высшую область — ума, который одинъ пріемлетъ Безконечное.

Второе отдѣленіе Онтологіи.

Ученіе о Безконечномъ.

Доселѣ мы изслѣдовали, дѣйствительно ли существуетъ, и съ какими коренными свойствами существуетъ то, что мы познаемъ внутреннимъ и внѣшними чувствами, теперь намъ слѣдуетъ обратиться къ изслѣдованію того, существуетъ-ли что выше бытія эмпирическаго, познаваемаго опытомъ и разсудкомъ, какъ основаніе сего послѣдняго, и съ какими свойствами оно существуетъ. Для этого мы должны вступить изъ области разума въ область ума, который выше всѣхъ прочихъ познавательныхъ силъ и въ немъ искать основанія, по которому разумъ заключаетъ о бытіи Высочайшаго первоосновапія всего существующаго, о Существѣ Безконечномъ. Основаніе это есть идея о Безконечномъ, принадлежащая уму нашему.

Здѣсь, вопервыхъ, мы должны показать дѣйствительно ли есть въ умѣ нашемъ идея о Безконечномъ, какое она имѣетъ свойство, какія ея дѣйствія или послѣдствія и на какія опредыленныя поняті· она разрѣшается, потомъ изслѣдуемъ: откуда въ насъ идея о Безконечномъ? Далѣе, соотвѣтствуетъ-ли ей предметъ дѣйствительно существующій, и гдѣ искать его въ мірѣ-ли матеріальномъ, въ мірѣ-ли духовномъ; или выше той и другой области бытія, наконецъ; въ Онтологіи нужно показать, какое отношеніе Существа Безконечнаго къ существамъ конечнымъ, и въ какой зависимости въ Него они поставлены.

Но не напрасный ли трудъ мы беремъ на себя, желая открыть въ умѣ нашемъ и изчерпать идею о Безконечномъ; есть-ли въ насъ къ принятію Его какая нибудь особенная способность, можемъ-ли мы знать Безконечное? Для сего раз-

рѣшимъ первый вопросъ: есть-ли въ насъ идея о Безконечномъ?

Должно сознаться, что Безконечное въ своемъ существѣ не можетъ быть вполнѣ объято нашимъ разумомъ, быть предметомъ полнаго нашего знанія, cognitio adaequata, останется Оно всегда не измѣримымъ для мѣры ограниченнаго человѣческаго разума; Оно само себя можетъ только опредѣлять, но чтобы ограниченный разумъ вполнѣ постигнулъ совершенно невозможно, иначе Оно перестало бы быть Безконечнымъ. Сама идея о Безконечномъ, свидѣтельствуя о своей непостижимости и необъятномъ своемъ предметѣ, даетъ намъ твердое внутреннее увѣреніе о своемъ бытіи въ умѣ нашемъ. Но идея, будучи непостижима сама въ себѣ, частію и постепенно можетъ быть постигаема въ своихъ дѣйствіяхъ, открывающихъ въ душѣ нашей. Превышая мѣру всѣхъ познавательныхъ нашихъ способностей, она никогда не умаляется, не сокращается, и не увеличивается въ своёмъ содержаніи, но только мы удаляемся отъ нея и затемняемъ ее для своего сознанія. Конечно, мы не видимъ идеи, но дѣйствія ея возбужденія или стремленія, производимыя ею во коренныхъ силахъ души нашей, болѣе или менѣе, живѣе или слабѣе можемъ ощущать. Идея о Безконечномъ сама въ себѣ неисчерпаема, но мы можемъ болѣе или менѣе приближаться къ ней и разумѣніемъ и чувствованіями и волею. Но въ человѣкѣ должно быть вмѣстилище, въ которомъ бы содержался живой образъ Божества. Это есть умъ. Умъ въ человѣкѣ есть высшая сила, въ которой всѣ прочія способности находятъ свое основаніе, въ немъ содержится живой образъ Существа Безконечнаго; слѣдовательно, посредствомъ ума мы можемъ познавать сколько это возможно для ограниченной нашей природы, слѣдовательно, посредствомъ ума мы можемъ болѣе или менѣе приближаться къ Нему. Если мы не припишемъ человѣку этой высшей силы ума, то поставимъ его на одной степени бытія съ прочими животными. Итакъ мы приписываемъ человѣку силу гадать о Безконечномъ, какъ существенную принадлежность его природы. Не должно ни унижать человѣка, ни возвышать чрезъ мѣру. Но приписывая ему эту силу, мы не унижаемъ его, потому что отличаемъ высоко его отъ прочихъ животныхъ, ни возвы-

шаемъ чрезъ мѣру; потому что постепенное только приближеніе къ Безконечному признаемъ его назначеніемъ. Но понимая высоту сего назначенія, мы вмѣстѣ съ симъ сознаемъ, что человѣкъ въ дѣйствительномъ положеніи своемъ удалился отъ идеи Безконечнаго; чтобы опять приблизиться къ ней, нужно для человѣка постепенное очищеніе. Впрочемъ возможность ученія о Безконечномъ еще яснѣе увидимъ, если раскроемъ, что въ насъ есть идея о Безконечномъ; а это и составляетъ основное положеніе Онтологіи.

Итакъ первое и главное положеніе есть слѣдующее: духу человѣческому существенно принадлежитъ идея о Безконечномъ по бытію и совершенствамъ, и вслѣдствіе сего первоначальный законъ ума состоитъ въ томъ, чтобы для всего ограниченнаго по бытію и совершенствамъ искать первоначала, первообраза и конца въ Безконечномъ. Положеніе это сперва объяснимъ, потомъ докажемъ.

Для объясненія сего положенія во первыхъ необходимо показать, что такое идея о Безконечномъ по бытію и совершенствамъ? и поелику объяснить какое нибудь понятіе значитъ разрѣшить его на частныя представленія, входящія въ составъ его: то прежде всего нужно дать понятіе объ идеѣ вообще. Итакъ, что такое идея вообще? Прежде называли идеею всякое представленіе, и чувственное и умственное. Въ этомъ значеніи принимали идею послѣдователи Лейбница и Вольфіанцы. Но Платонъ не такъ понималъ идею, онъ отличалъ ее и отъ чувственныхъ представленій, или воззрѣній, и отъ общихъ или родовыхъ понятій разума. Въ смыслѣ Платона мы будемъ принимать идею о Безконечномъ. Она не есть ни ощущеніе чувственныхъ предметовъ, ни общее понятіе разума, составленное изъ чувственныхъ представленій. Равнымъ образомъ идея отлична отъ формъ чувственности и категорій разума. Пространствомъ и временемъ ограничиваются и, такъ сказать, стѣсняются силы въ своемъ проявленіи. Такъ сила, ограничиваемая пространствомъ, не можетъ обнаруживаться такъ, какъ она сама въ себѣ есть, какъ нѣчто единое, а проявляетъ себя въ чемъ нибудь разнообразномъ. Сила, стѣсняемая временемъ, не можетъ вполнѣ проявить себя вдругъ въ одно мгновеніе, не можетъ иначе обнаружиться, какъ въ

частныхъ явленіяхъ, одно за другимъ преемственно слѣдующихъ, а посему не можетъ проявить себя такъ, какъ она сама въ себѣ есть—какъ нѣчто единое и неизмѣняемое. Соотвѣтственно этимъ ограниченіямъ, которымъ подчинены конечныя силы въ своихъ обнаруженіяхъ, и сила чувственности представляетъ предметы не такъ, какъ они сами въ себѣ суть, но какъ они являются въ пространствѣ и времени, слѣдовательно получаетъ представленія только о явленіяхъ силъ природы; подъ формами пространства и времени чувственность не можетъ представить ничего другаго кромѣ разнообразнаго и измѣняющагося. А это показываетъ, что формы пространства и времени не то, что идея о Безконечномъ. Равнымъ образомъ и категоріи или чистыя апріорическія общія понятія разума не то, что идея. Онѣ имѣютъ отношеніе только къ предметамъ чувственнымъ. Правда, разумъ посредствомъ категорій можетъ возводить все къ единству, но здѣсь находится всегда нѣкоторое разнообразіе и множественность. Строго говоря, разумъ подводитъ все подъ единое потому, что стоитъ подъ вліяніемъ ума и основывается на его идеѣ. Итакъ идея принадлежитъ собственно уму.

Всѣ согласны въ томъ, что органъ нашего сообщенія съ Безконечнымъ Существомъ есть умъ, но различно объясняли отношеніе ума къ своему Предмету. Иные приписывали уму полное созерцаніе Безконечнаго посредствомъ идеи, другіе—только стремленіе къ Безконечному. Но несправедливость перваго мнѣнія доказывается а) изъ понятія существа ограниченнаго. Съ природою человѣка, какъ существа ограниченнаго, не совмѣстно, чтобы ограниченный умъ его вполнѣ созерцалъ Безконечное. б) Это же очевидно изъ настоящаго положенія и дѣйствій человѣка, которое ясно показываетъ, что человѣкъ очень далекъ отъ того, чтобы созерцать Безконечное не только во всей полнотѣ, но даже и столько, сколько совмѣстно съ природою его. Такимъ образомъ чувствовать свое высшее назначеніе и неудовлетворяясь ничѣмъ ограниченнымъ, стремиться къ Безконечному,—вотъ что существенно принадлежитъ уму. Итакъ идея ума о Безконечномъ есть только темное, тайное нѣкоторое предчувствіе Безконечнаго, а не ясное созерцаніе Его, есть прежде—опытное, неизчерпаемое для опредѣленныхъ понятій разума,

представленіе о чемъ то неограниченномъ. Мы называемъ идею о Безконечномъ представленіемъ „преждеопытнымъ“; потому что въ опытѣ ничего безконечнаго намъ не представляется; называемъ ее „неизчерпаемою“ для понятій разума; когда на идеѣ основываются частныя, опредѣленныя понятія разума о Существѣ Всесовершенномъ, то они конечно, имѣютъ свою силу, но не изчерпываютъ всего содержанія идеи; понятія разума относятся къ идеѣ, какъ нѣкоторыя части къ своему необъятному цѣлому.

Далѣе нужно объяснить, что такое идея о Безконечномъ по „бытію“, и „совершенствамъ“. Во всякомъ существѣ мы различаемъ а) бытіе и б) то, что является въ бытіи, или, что наполняетъ его совокупность свойствъ, сущность. Мы представляемъ бытіе или какъ ограничиваемое пространствомъ и временемъ, или какъ возвышающееся надъ этими ограниченіями. Первое представленіе будетъ чувственное воззрѣніе, второе — идея о Безконечномъ по бытію. Итакъ идея о Безконечномъ по бытію есть представленіе Существа, которое по бытію своему не ограничивается никакими предѣлами пространства и времени. Разширяя предѣлы бытія въ безконечность, — далѣе всякихъ предѣловъ пространства и времени и полагая на извѣстныхъ основаніяхъ, что непремѣнно должно быть такое Существо, которому принадлежитъ это бытіе, мы получаемъ идею о Безконечномъ по бытію. и изъ нея выводимъ свойства, по отношенію къ пространству, неизмѣримость и вездѣприсутствіе, по отношенію ко времени вѣчность и неизмѣняемость. Но мы не можемъ остановиться на этихъ только свойствахъ, такъ какъ во всякомъ существѣ, кромѣ бытія, мы ищемъ чего то, чѣмъ наполнялось бы бытіе, представленіе бытія безпространственнаго и безвременнаго есть только одна форма, ничѣмъ ненаполненная. Разумъ человѣческій находитъ, что Существо по бытію Безконечное должно совмѣщать въ себѣ все истинно существенное, должно быть Ens realissimum. Духъ нашъ по особенному своему устроенію, имѣетъ такое свойство, что одному роду существъ дастъ преимущество предъ другимъ. Такъ онъ представляетъ родъ существъ разумныхъ гораздо высшимъ и совершеннѣйшимъ, нежели родъ существъ, неимѣющихъ разумности. Существа неразумныя привязаны къ

той только точкѣ пространства и времени, въ которой живутъ и не стремятся далѣе; но существа разумныя не столько стѣснены, они могутъ отрѣшаться отъ этихъ предѣловъ, могутъ вмѣщать въ одной мысли весь міръ, всѣ времена и вѣка, и восходитъ мыслями выше міра, почему мы представляемъ разумность большимъ благомъ, чѣмъ одно бытіе. Но высшее совершенство, представляющееся въ существахъ, есть благость воли, которая предполагаетъ добрыя цѣли для нравственнаго дѣйствованія. Одна мудрость, взятая въ отдѣльности отъ совершенствъ воли, можетъ служить средствомъ къ достиженію цѣлей недобрыхъ или непозволенныхъ, напр. къ достиженію видовъ своекорыстія и потому не можетъ почитаться высшимъ благомъ, или совершенствомъ. Итакъ разумъ находитъ различные степени въ совершенствахъ. Онъ ставитъ существа разумныя выше другихъ существъ; въ самыхъ разумныхъ существахъ признаетъ нравственно—добрую волю благомъ высшимъ, чѣмъ разумъ. Во всемъ этомъ онъ видитъ существенное, положительное, а не отрицательное. Далѣе примѣчаетъ, что въ кругѣ существъ ограниченныхъ не можетъ быть ни одного, которое достигло бы крайней степени въ своихъ совершенствахъ. Такъ человѣкъ, разсматривая свое разумно-нравственное состояніе, находитъ себя только стремящимся къ большему и большему совершенству, но еще не достигаетъ полнаго совершенства, но онъ же представляетъ себѣ, что эти совершенства должны необходимо существовать въ безконечной степени и такимъ образомъ получаетъ идею о Существѣ Безконечномъ по совершенствамъ. Итакъ идея о Безконечномъ по совершенствамъ есть представленіе такого Существа, которое совмѣщаетъ въ себѣ всѣ возможныя совершенства дѣйствительно, безъ всякаго ограниченія, въ безконечной степени.

Далѣе надобно объяснить, что идея о Безконечномъ существенно, а неслучайно принадлежитъ духу человѣческому, Это значитъ, что идея о Безконечномъ по бытію и совершенствамъ въ духовной природѣ нашей не есть что либо въ природѣ нашей, отвнѣпривходящее, но она необходимо соединена съ существомъ человѣка для того, чтобы онъ былъ собственно человѣкомъ. Впрочемъ здѣсь не должно забывать, что эта идея не есть полное созерцаніе Безконечнаго;

чтобы вполнѣ созерцать Безконечное, надобно быть Безконечнымъ; она есть только стремленіе къ Безконечному, которое умъ нашъ долженъ болѣе и болѣе раскрывать и объяснять. Отъ раскрытія силы ума зависитъ большее и большее уясненіе идеи Безконечное. „Для того и непостижимо, говоритъ Василій Великій, чтобы мы болѣе стремились къ Нему, и это въ насъ ненаученное, но прирожденное намъ, для того, чтобы мы неуспокоивались въ самихъ себѣ, чтобы стремленіе къ высшему въ насъ болѣе раскрывалось и уяснялось, дѣйствовало на разумъ, чувства и волю“.

Наконецъ, нужно объяснить это положеніе: на идеѣ о Безконечномъ по бытію и совершенствамъ основывается существенный законъ ума—для всего ограниченнаго по бытію и совершенствамъ искать перво причины, перво-образа, цѣли или конца въ Безконечномъ. Здѣсь показывается отношеніе существъ конечныхъ и условныхъ къ существу Безконечному, безусловному, то-есть, конечное зависитъ отъ Безконечнаго по началу и продолженію бытія, какъ отъ Первопричины всего существующаго, по всѣмъ своимъ совершенствамъ, какъ отъ перво-образа, во всѣхъ дѣйствіяхъ стремится къ Нему, какъ къ высочайшей и послѣдней цѣли,— то-есть для Него живетъ, движется и есть, въ Немъ полагаетъ все свое блаженство, какъ въ концѣ и краѣ всѣхъ высшихъ желаній.

Объяснивъ главное положеніе Онтологіи, мы должны доказать оное. Трудно и даже не возможно доказывать первое и непосредственное. Ибо во всякомъ доказательствѣ предполагается главное начало, изъ котораго выводится слѣдствіе; но если мы доходимъ наконецъ въ доказательствѣ до такого перваго, далѣе котораго ничто не можетъ быть предполагаемо, какъ первое, изъ котораго бы высшее первое вытекало, какъ его слѣдствіе, то доходимъ до такого перваго, которое не можетъ быть доказано, иначе оно не было бы первое. Но идея о Безконечномъ по бытію и совершенствамъ есть первое и непосредственное начало всякаго нашего познанія. Значитъ бытіе въ насъ сей идеи въ строгомъ смыслѣ чрезъ умозаключеніе не можетъ быть доказано, такъ что, кто не ощущаетъ въ себѣ дѣй-

ствій сей идеи, того не могутъ увѣрить никакія доказательства въ бытіи ея. Но иное дѣло доказывать, (demonstrare) а иное дѣло показывать или доводить argumentari, т. е. отъ низшаго возводить къ высшему, отъ дѣйствій къ причинѣ. Такой доводъ (argumentum) будетъ имѣть всю свою силу и твердость, если мы въ человѣческой дѣятельности укажемъ такія дѣйствія, которыя, какъ необходимыя послѣдствія идеи о Безконечномъ, не могутъ быть объяснены иначе, какъ изъ этой самой идеи, то бытіе идеи въ духѣ человѣка будетъ твердо доказано. Посему мы должны обратить вниманіе на послѣдствія идеи о Безконечномъ. Послѣдствіемъ идеи о Безконечномъ служитъ законъ — для всего конечнаго и условнаго искать Безконечное и Безусловное, поелику потребность или стремленіе къ чему нибудь предполагаетъ, темное по крайнѣй мѣрѣ познаніе искомаго; чего мы не знаемъ, къ тому не можетъ и стремиться: „ignoti nulla est cupido“. Итакъ, если дѣйствительно въ умѣ нашемъ есть оный законъ; то бытіе въ насъ идеи о Безконечномъ несомнѣнно. Потому стоитъ только утвердить, что дѣйствительно есть въ насъ оный законъ, — есть потребность для всего конечнаго искать Безконечнаго, есть стремленіе къ Нему. Чтобы доказать въ насъ бытіе сей потребности, расмотримъ дѣятельность человѣческихъ силъ.

Есть въ насъ законъ—для всего ограниченнаго по бытію и совершенствамъ искать перво—причины, перво—образа, цѣли или конца въ Безконечномъ. Въ самомъ дѣлѣ, что ни представляется нашему опыту внѣшнему и внутреннему, все это носитъ на себѣ характеръ ограниченнаго и измѣняемаго. Посему всякое явленіе, усматриваемое чувствами, отсылаетъ насъ отъ себя далѣе къ своей причинѣ; ибо что мы ни познаемъ опытомъ, все это не отъ себя, ни чрезъ себя; въ опытѣ мы не видимъ ничего, что поддерживало бы свое бытіе само собою, безъ содѣйствія внѣшнихъ причинъ, все что мы познаваемъ опытомъ, случайно; существуетъ не для себя, потому что все существующее въ пространствѣ и времени, оставляетъ по себѣ мѣсто другому. Свойство же нашего ума таково, что онъ не останавливается на случайностяхъ, но восходитъ выше, ищетъ того, на чемъ случай-

ности держатся. Если бы мы за явленіями открыли множество субстанцій (ens in se), то кажется стремленіе нашего ума могло бы удовлетвориться этимъ. Но напротивъ тогда, какъ онъ представляетъ себѣ множество субстанцій духовныхъ или матеріальныхъ; то поелику самое можество ихъ служитъ доказательствомъ того, что они не безконечны, не обладаютъ полнотою бытія, но случайны, не останавливаясь на существахъ относительно самостоятельныхъ, ищетъ чего то единаго, и пока не исторгнется изъ сего множества, относительно—самостоятельныхъ существъ не найдетъ безусловнаго единаго, дотолѣ не можетъ успокоиться. Путь сей, по которому разумъ нашъ ищетъ для условнаго и зависимаго безусловное, древніе называли путемъ причинности: via causalitatis. Кромѣ сего пути къ познанію Безконечнаго, о которомъ мы сказали, указываютъ еще два: via negationis, et via eminentiae. Какъ посредствомъ перваго умъ нашъ доходитъ до перво—начала всякаго бытія, а посредствомъ двухъ послѣднихъ — доходитъ до перво—начала всякаго совершенства, изслѣдывая вмѣстѣ съ тѣмъ, каково должно быть Безконечное. По пути отрицанія умъ нашъ отдѣлялъ отъ перво—причины всякаго бытія всякое несовершенство, а по пути превосходства, совершенства, усматриваемыя въ существахъ ограниченныхъ и приличныя Существу Безконечному возвышаетъ въ безконечную степень. Всѣ сіи три пути, вмѣстѣ взятые показываютъ, что въ насъ есть стремленіе къ Безконечному, особенно, первый путь, via causilitatis, показываетъ, что есть въ насъ стремленіе искать для всего конечнаго и условнаго перво—причины въ Безконечномъ. Но сего стремленія не могло бы быть въ насъ, если бы въ насъ не было идеи о Безконечномъ, какъ перво—причинѣ всякаго бытія. Слѣдуетъ теперь объяснить, что такое стремленіе искать перво—образа, цѣли или конца въ Безконечномъ. Это ясно откроется, если разсмотримъ главныя силы духа человѣческаго.

Три главныя силы въ душѣ человѣческой: сила познавательная, сила воли и сила чувствованій. Посему, если въ каждой изъ этихъ силъ укажемъ такія дѣйствія, которыя нельзя иначе объяснить, какъ только изъ идеи о Безконечномъ: въ такомъ случаѣ бытіе въ насъ этой идеи доказано

будетъ неоспоримо. Итакъ во первыхъ разсмотримъ силу познавательную.

Какая цѣль, къ которой стремится эта сила? — цѣль сія состоитъ въ томъ, чтобы постигнуть истину. Что же такое истина, къ которой главнымъ образомъ стремится познающая сила? Умъ нашъ, восходя отъ дѣйствій къ первой причинѣ всякаго бытія, не останавливается на причинахъ извѣстныхъ — условныхъ, но простирается далѣе къ Безусловному—Безконечному. Тоже самое видно и въ стремленіи его къ истинѣ. Онъ не довольствуется согласіемъ представленій съ самими собою (т. е. истинною логическою), не довольствуется и согласіемъ чувственныхъ представленій съ предметами представляемыми. Здѣсь хотя и есть истина; потому что представленія нашихъ чувствъ не обманываютъ насъ, но истина эмпирическая есть край, такъ сказать, той истины, къ которой непрестанно стремится умъ нашъ. Онъ неудовлетворяется эмпирическою истиною; потому что здѣсь находитъ одно разнообразное и измѣняющееся, на которомъ онъ не можетъ остановиться и успокоиться. Онъ стремится къ тому, чтобы постигнуть и точнѣе объяснить самое существо предметовъ, къ тому, что неизмѣняемо, постоянно и всегда равно самому себѣ,—къ истинѣ метафизической, къ согласію мыслей своихъ съ идеями Божіими; ибо существенныя свойства предметовъ объемлются только однимъ Высочайшимъ Умомъ, по вѣчнымъ идеямъ коего все устроено. Теперь спрашивается: изъ чего можно было бы объяснить это стремленіе ума человѣческаго? Для рѣшенія этого вопроса надлежитъ по частямъ разобрать силу познавательную.

Главныя какъ бы отрасли познавательной силы три: чувственность, (sensualitas) разумъ (intellectus) и умъ (ratio). Теперь посмотримъ, какая изъ сихъ силъ доставитъ намъ объясненіе стремленія нашего духа къ безусловной истинѣ?

Изъ чувственности нельзя объяснить стремленія къ безусловной истинѣ. Выше замѣчено было нами, что чувства внѣшнее и внутреннее представляютъ намъ одно разнообразное и измѣняющееся, внутреннему чувству подлежатъ измѣняющіяся состоянія души нашей, гдѣ представленія, производимыя чувственными предметами, непрестанно слѣдуютъ

за другими представленіями, порождаемыми множествомъ другихъ предметовъ, дѣйствующихъ на чувства; на нихъ духъ нашъ не можетъ остановиться и успокоиться. Представленія чувственности сами по себѣ ничего не значатъ. Справедливо замѣчаетъ Бутервекъ, что увѣреніе или представленіе не только о метафизической, но и о всякой другой истинѣ основывается на идеѣ о Безконечномъ. Доколѣ мы водимся одною чувственностію, до-толѣ не можемъ отличить предметовъ отъ субъективнаго (подлежащаго) я, отличать предметы отъ представленій не принадлежитъ чувственности. Такъ въ животныхъ нѣтъ способности отличать свои представленія отъ предметовъ внѣ ихъ находящихся,—у нихъ чувственныя представленія всегда сліянны съ предметами. Тоже было бы и съ человѣкомъ, если бы онъ водился одною только чувственностію; ибо онъ тогда никакъ не могъ бы отдѣлить своего *я* отъ предметовъ. Итакъ чувственность ни мало не объясняетъ извѣстнаго стремленія духа нашего къ истинѣ (чувственность не свидѣтельствуетъ ни о чемъ постоянно пребывающемъ и неизмѣняемомъ).

Нельзя-ли объяснить сего изъ стремленія разума? Посмотримъ, въ чемъ состоитъ дѣятельность разума. Она состоитъ въ томъ, чтобы все разнообразное приводить въ единство сознанія; къ преходящему и измѣняющемуся пріискивать и присоединять твердое, постоянное, самостоятельное, для условнаго отыскивать его условія. Говорятъ, что разумъ имѣетъ не одни формы познанія, но и матерію,—первоначальный существенный источникъ для познанія—12-ть категорій. Но дѣйствованіе разума только направляется по этимъ категоріямъ, а сами по себѣ онѣ не могли бы существовать въ разумѣ первоначально. Ибо въ сихъ понятіяхъ (категоріяхъ) разума нѣтъ единства, нѣтъ простоты, а все что-то разнообразное, многосложное. И потому надобно разсмотрѣть, нѣтъ-ли другихъ высшихъ основаній для сихъ понятій, которыя составляютъ только форму нашихъ разсудочныхъ познаній вообще? Въ самомъ дѣлѣ, если посмотрѣть на противоположность, категорій разума, то увидимъ, что однѣ изъ нихъ носятъ характеръ конечности и условности, а другія наоборотъ; такъ напр. „единое“ не можетъ относиться къ конечному, также и всеобщность относится къ

духовному, но многое происходитъ отъ чувственности; reale принадлежитъ духовному, ибо реальность въ полномъ смыслѣ относится къ Безконечному; отрицаніе, случайность, ограниченіе, произведеніе, дѣйствительность принадлежатъ существомъ міра конечнаго, а первою, безусловною причиною быть свойственно одному Безконечному; субстанція, *сый* приличествуетъ также единому; прочія самостоятельныя существа суть взаимно-условныя, онѣ всѣ какъ бы сосредоточиваются въ одну точку—всѣ стремятся къ единой безусловной субстанціи, къ единому *сый*. Онъ есть полная центральность видимой природы,—все прочее одно другимъ ограничивается и какъ бы переплетается, безусловная необходимость относится къ Безконечному, а здѣсь находится необходимое относительное. Категоріи конечно, суть основные законы но только для дѣйствованія разума; онѣ не составляютъ единственнаго источника познаній; ибо состоятъ изъ двухъ сторонъ противныхъ. Справедливо признать категоріи разума законами, основывающимися на томъ первоначальномъ законѣ ума, по которому духъ нашъ стремится къ Безконечному. Слѣдовательно должно искать другаго начала и причины категорій, — и искать ихъ мы можемъ только въ умѣ, или въ идеѣ. Если бы не было ея, то не было бы изслѣдованія нашего причины, и восхожденіе къ оной, простирающееся до безконечности было бы для человѣка томленіемъ и безъ цѣли и безъ конца. Итакъ источникъ понятій абсолютныхъ или категорій заключается въ идеѣ. Все это доказываетъ, что въ насъ есть идея о Безконечномъ. Когда человѣкъ исторгается отъ всего ограниченнаго, востекаетъ выше, тогда только и возвышается надъ міромъ чувственнымъ.

Разсмотримъ силу воли, и здѣсь найдемъ доказательство того, что есть въ насъ идея о Безконечномъ. Какая цѣль воли? верховное благо. Разсматривая стремленіе нашей воли къ этому благу, мы видимъ, что она ничѣмъ конечнымъ, условнымъ не ограничивается. Духъ нашъ ищетъ полнаго не возмущаемаго благополучія и удовлетворенія, но и самое благополучіе не есть еще конецъ его исканія; ибо оно не есть еще нравственное дѣйствованіе, но онъ его получаетъ (оттуда и благоголучіе), имъ наслаждается, удовлетворяетъ

своимъ склонностямъ... Главная и существенная цѣль верховнаго блага есть высочайшее совершенство нравственности — полная святость и отсюда происходящее высочайшее блаженство. Стремленіе ко тому или другому идеалу нравственности можно доказать изъ дѣйствій безкорыстной добродѣтели. Всякое другое побужденіе, т. е., собственная польза или удовольствіе противу естественно,—это эгоизмъ, который любуется своимъ дѣяніемъ и ищетъ въ добродѣтели собственнаго себѣ услажденія. Гдѣ человѣкъ дѣйствуетъ вопреки симъ побужденіямъ, тамъ дѣйствія его не могутъ быть объяснены изъ опыта, ибо онъ повинуется голосу совѣсти и выполняя обязанности закона нравственнаго безъ всякихъ своекорыстныхъ видовъ, только по любви къ сему закону, никогда не удовлетворяется своими добрыми дѣяніями, сколько бы они хороши ни были. Онъ все еще чувствуетъ немощь свою въ исполненіи нравственнаго закона, а это самое сознаніе и приводитъ его къ смиренію. Потому то высоко нравственныя люди, чѣмъ болѣе преуспѣваютъ въ добродѣтели, тѣмъ болѣе смиряются предъ Безконечнымъ, сознаваясь, что все, что они не дѣлаютъ, дѣлаютъ не своею силою, но Божіею. А это значитъ, что они соразмѣряютъ свои дѣянія не съ малою мѣрою, а потому самое сознаніе безсилія къ исполненію всего нравственнаго закона, доказываетъ, что есть въ насъ идея. Свобода человѣка есть нѣкоторое отраженіе, подобіе свободы Безконечнаго; духъ нашъ имѣетъ нѣкоторое общеніе съ волею Божественною. Если бы онъ могъ удовлетворяться частнымъ, конечнымъ для него и довольно было бы сего. Но человѣкъ здѣсь не можетъ быть доволенъ, онъ скучаетъ, стремится къ чему-то высшему, чувственность удовольствія не насыщаютъ его, но болѣе раздражаютъ. Животныя бываютъ довольны и не скучаютъ, потому что не имѣютъ свободы. Голодъ и жажда духа нашего могутъ удовлетвориться и насытиться только въ Единомъ Безконечномъ.

Если посмотрѣть также на силу чувствованій, то и здѣсь откроется доказательство того, что есть въ насъ идея о Безконечномъ. Чувствованія бываютъ или корыстныя или безкорыстныя. Наслажденіе предметомъ (также страхъ бѣды), можетъ служить примѣромъ корыстной чувственности и толь-

ко удаляетъ насъ отъ идеи Безконечнаго. Но чувствованія любви, уваженія, благоговѣнія суть чувствованія безкорыстныя. Ибо любовь есть влеченіе сердца нашего къ соединенію съ благомъ; уваженіе есть познаніе сего блага или точнѣе оцѣненіе; благоговѣніе есть высшій степень уваженія, которымъ исполняется сердце наше, при разсматриваніи идеи Безконечнаго. Эти чувствованія не изъ чего другаго не могутъ быть изъяснены, какъ только изъ идеи о Безконечномъ. Кто любитъ свою идею болѣе предмета, тотъ любитъ не такъ, какъ должно; тотъ любитъ себя; ибо любовь есть непреложное свидѣтельство о Безконечномъ.

Итакъ, когда въ общихъ путяхъ духовной дѣятельности человѣка видны такіе стремленія, которыя никакъ не могутъ быть произведены изъ привязанности къ конечному, то слѣдуетъ, что есть въ насъ нѣчто высшее—идея о Безконечномъ, къ раскрытію и развитію которой человѣкъ непрестанно стремится. Итакъ изъ разсматриванія духовной дѣятельности человѣка открывается, что въ насъ дѣйствительно есть законъ для всего конечнаго и относительнаго искать причины, первообраза, цѣли или конца въ Безконечномъ.

Но здѣсь нужно намъ разъяснить нѣкоторое недоумѣніе. Когда разсматриваемъ въ часности дѣятельность коренныхъ силъ человѣческаго духа, то намъ представляются многіе идеалы, къ которымъ онъ стремится, таковы: безусловная истина, высочайшая благость, безконечная красота, или блаженство. Духъ же нашъ не успокоивается, пока не достигаетъ Единаго. Къ разрѣшенію этого недоумѣнія должно замѣтить, что идея о Безконечномъ сама въ себѣ одна, но изъ разсмотрѣнія различныхъ сторонъ, къ которымъ обращена, представляется въ различныхъ видахъ. Различныя виды одной и той же идеи о Безконечномъ, составляющіе многіе идеалы, къ которымъ стремится духъ нашъ, не должно разсматривать какъ нѣчто отдѣльное отъ самой идеи. Они всѣ соединяются въ одной главной идеѣ о Безконечномъ и составляютъ не раздѣльное цѣлое. Такъ и самое Божество само въ себѣ едино, какъ центръ въ кругѣ, свойства же Его, совершенства представляются намъ столько многоразличными, но всѣ они, какъ точки окружности, примыкающіе къ центру, составляютъ нераздѣльное существо Божества. Потому какъ многіе свойства

и совершенства Божества не нѣчто отдѣльное отъ существа Его, но сами суть единое существо Безконечное, разсматриваемое только въ различномъ состояніи: такъ и многіе идеалы, къ которымъ стремится духъ нашъ не составляютъ, что нибудь отдѣльное отъ самойидеи Безконечнаго но суть самая сія идея, разсматриваемая только въ различныхъ видахъ. Такимъ образомъ стремленіе нашего духа, открывающееся въ различныхъ видахъ, есть убѣдительное доказательство того, что есть въ насъ идея о Безконечномъ. Потребность необходимая и существенно принадлежащая нашему духу не можетъ быть безъ познанія.

Здѣсь должно раскрыть, что идея о Безконечномъ принадлежитъ духу человѣческому существенно, а не случайно. Это видно изъ того, что всякій человѣкъ, можетъ быть возведенъ къ сознанію въ себѣ идеи о Существѣ Безконечномъ. Но если и находятся такіе люди, которые не сознаютъ въ себѣ сей идеи, то изъ этого еще нельзя заключить, что въ нихъ совсѣмъ нѣтъ ея; она въ нихъ только подавлена, заглушена чѣмъ либо противоположнымъ.

Опытъ свидѣтельствуетъ, что человѣкъ отъ самаго грубаго скотоподобнаго состоянія можетъ быть доведенъ до сознанія въ себѣ идеи Существа Безконечнаго, съ неразумными животными нельзя сего сдѣлать. Такая всеобщность идеи о Безконечномъ служитъ доказательствомъ того, что сія идея духу человѣческому принадлежитъ существенно, а не случайно.

Второй главный въ Онтологіи вопросъ есть слѣдующій: откуда въ человѣкѣ идея о Безконечномъ? отсюда второе главное положеніе Онтологіи: идея о Безконечномъ не пріобрѣтается человѣкомъ во времени, но первоначально и существенно вмѣстѣ съ его природою дана Существомъ Безконечнымъ, соотвѣтствующимъ ей.

Чтобы доказать это положеніе, нужно разсмотрѣть слѣдующіе два случая: Идея о Безконечномъ или пріобрѣтается во времени, или первоначально прирождена человѣку.

Первое невозможно. Ибо если идея о Безконечномъ пріобрѣтается во времени, то она пріобрѣтается или чрезъ чувства внѣшнія или внутреннее, т. е. чрезъ представленіе внѣшнихъ предметовъ, или чрезъ наблюденіе надъ измѣненіями

и состояніями нашей души, или она составляется разумомъ, изъ частныхъ воззрѣній какъ общее понятіе, или наконецъ дается во времени Безконечнымъ Существомъ за нравственныя достоинства. Но всѣ эти три случая не могутъ имѣть здѣсь мѣста.

a) Идея о Безконечномъ не можетъ быть пріобрѣтена чрезъ внѣшнія чувства. Всѣ предметы міра видимаго суть чистое отрицаніе этой идеи, потому что противоположны ей, а Безконечное есть Существо чисто положительное. Ни изъ одного изъ противоположныхъ понятій нельзя заключить о другомъ противоположномъ, подобно тому, какъ изъ тьмы нельзя заключить о свѣтѣ, еслибъ человѣкъ прежде не имѣлъ глазъ для различенія свѣта. Итакъ, если отъ конечнаго къ Безконечному, отъ отрицательнаго къ положительному не можетъ быть прямаго и непосредственнаго перехода: то и не возможно, также, чтобы идея о Безконечномъ была пріобрѣтена во времени чрезъ внѣшнія чувства. Но если чувственные предметы, разсматриваемые нами въ частности, не могутъ дать идеи о Безконечномъ, то она не можетъ-ли быть составлена посредствомъ дѣйствій разума b) изъ совокупности вещей? И этого не можетъ быть. Какъ разумъ могъ бы дойти до Безконечнаго посредствомъ скуднаго запаса? На чемъ онъ основывался бы тогда? Его дѣло только напечатлѣвать формы на предметы, т. е. онъ сочетаваетъ или раздѣляетъ понятія о предметахъ. Но разумъ самъ по себѣ не имѣетъ матеріи. Матерія, доставляемая ему посредствомъ чувствъ, со всѣхъ сторонъ совершенно опредѣленна, конечна. Дѣло разума приводить въ единство сознанія то, что дано ему отъ чувствъ, но какъ бы онъ ни совокуплялъ эту матерію, онъ никогда не выступитъ изъ области конечнаго, никогда не достигнетъ до Безконечнаго; потому что отъ конечнаго къ Безконечному не можетъ быть перехода.

По мнѣнію Локка разумъ можетъ производить идею о Безконечномъ слѣдующимъ образомъ: сначала онъ замѣчаетъ рядъ духовныхъ дѣйствій, видитъ, что одинъ рядъ больше другаго. Но извѣстно, что линія по извѣстнымъ математическимъ законамъ можетъ быть продолжена до безконечности: подобнымъ образомъ и разумъ можетъ продолжать дѣй-

ствія свои до безконечности, и такимъ образомъ дойти до понятія о вѣчности, о вездѣсущіи и неизмѣняемости. Но разумъ не имѣлъ бы для сего никакого основанія и не могъ бы не только продолжать дѣйствій своихъ до безконечности, не имѣлъ бы даже понятія о Безконечномъ, если бы идея о Безконечномъ не была основаніемъ сему понятію. Продолженный такимъ образомъ рядъ дѣйствій до безконечности никакъ не составитъ понятія о вѣчности, если не a parte post, то по крайней мѣрѣ a parte ante, потому что вѣчность исключаетъ всякую преемственность.

c) Далѣе, внутренній опытъ не можетъ также дать намъ идеи о Безконечномъ. Идея сія не имѣетъ своего основанія въ свойствахъ души нашей, которая не имѣетъ въ себѣ свойствъ Существа Безконечнаго, видитъ, что она есть существо случайное, ограниченное, не имѣетъ дѣйствительно всего того, что можетъ имѣть, заключаетъ въ себѣ только стремленіе къ Безконечному. Но если бы сія идея не была прирождена намъ, то откуда бы появилось въ насъ стремленіе къ Безконечному?

d) Идея сія не можетъ быть пріобрѣтена посредствомъ общихъ понятій разума. Разумъ есть только властелинъ надъ своими понятіями, онъ дѣйствуетъ произвольно, онъ можетъ слагать и раздѣлять общія понятія свободно. Но идея о Безконечномъ такова, что онъ не можетъ по произволу отказаться отъ нея, такова, что не понятія разума надъ ней господствуютъ, но она владычествуетъ надъ понятіями разума.

e) Идея о Безконечномъ не можетъ быть дана кому либо во времени отъ существа Безконечнаго за нравственныя достоинства. Нѣкоторые отцы церкви думали такъ о происхожденіи духа въ человѣкѣ: тѣло и душа, существенно принадлежатъ человѣку, но духъ не существенно, т. е данъ ему случайно по благодати. Такое пріобрѣтеніе идеи о Безконечномъ не совмѣстно ни съ религіею, ни съ правосудіемъ Божіимъ. Религія, свидѣтельствуемая со стороны человѣка извѣстными нравственными совершенствами, за которыя, какъ предполагали нѣкоторые, сообщается идея Безконечнаго отъ Бога, предполагаетъ уже ясное, живое понятіе о Божествѣ. Но если бы не было въ человѣкѣ первоначально прирожденной идеи, то такое понятіе о Божествѣ не могло бы быть

ему сообщено; ибо для сего требуется нѣкоторая пріемлемость, которую и составляетъ оная, первоначально человѣку прирожденная идея о Божествѣ. Въ противномъ случаѣ Богу надлежало бы непрестанно творить чудеса, такъ какъ, судя по естественному ходу вещей, не можетъ быть, чтобы изъ животнаго безсловеснаго, или изъ камня вдругъ произошелъ человѣкъ, въ благороднѣйшемъ и собственномъ смыслѣ этого слова. Но Богъ есть Богъ порядка. Итакъ, чтобы пріобрѣсти живое познаніе о Божествѣ, нужна для сего первоначальная идея о Безконечномъ, безъ которой никакія нравственныя совершенства не могли бы имѣть мѣста въ человѣкѣ; тѣмъ менѣе такія совершенства, за которыя Существо Безконечное сообщило бы ему идею о себѣ. Если бы идея во времени сообщена была Богомъ только тѣмъ, которые кажутся достойными ея, то спрашивается: на чемъ основывается сіе достоинство? на нравственныхъ дѣйствіяхъ, или на вѣчномъ безусловномъ предопредѣленіи? Но первое невозможно, ибо человѣкъ не могъ бы совершать ничего нравственнаго, если бы въ немъ не было прирожденной идеи о Безконечномъ. Второе также не возможно. Ибо тогда было бы непонятно, какъ Существо Безконечное могло бы осуждать и сдѣлать отвѣтственными предъ судомъ своимъ тѣхъ, которымъ не было дано оной идеи? Если бы идея о Безконечномъ не была прирождена человѣку, то правосудіе Божіе не имѣло бы права наказывать человѣка за его преступленія, не имѣло бы причины спрашивать, какъ люди сдѣлались недостойными единенія съ Божествомъ. Въ семъ случаѣ нужно было бы допустить какое то необходимое предопредѣленіе, по которому нравственныя дѣла человѣческія не имѣли бы степеней совершенства, а были бы безразличны, и человѣкъ не зналъ бы, когда онъ возвышается, и когда падаетъ въ нравственности. Но человѣку первоначально прирождена идея о Безконечномъ, и она составляетъ данное ему вмѣстѣ съ его природою слово, которое и будетъ его судіею. Итакъ случайное происхожденіе въ человѣкѣ идеи о Безконечномъ несогласно ни съ религіею, ни съ Правосудіемъ Божіимъ.

Итакъ поелику всѣ вышеозначенные случаи не могутъ имѣть мѣста, то слѣдуетъ, что идея о Безконечномъ не во времени пріобрѣтается, но первоначально прирождена

человѣку. Подлинно, ежели бы она дана была человѣку во времени, то человѣкъ съ нѣкотораго только времени сталъ бы тѣмъ, чѣмъ онъ прежде не былъ, т. е. началъ бы имѣть другую природу. Но человѣкъ съ начала своего бытія все есть одинъ и тотъ же человѣкъ, всегда одинаковой природы Но въ семъ случаѣ, нельзя предположить, чтобы она существенно принадлежала человѣку, безъ отношенія, къ Существу Безконечному какъ думаютъ идеалисты. Ибо человѣкъ есть существо ограниченное. И другое какое либо ограниченное существо оной сообщить ему не можетъ. Значитъ, она сообщена человѣку Существомъ Безконечнымъ — Богомъ и составляетъ начатокъ Божественнаго откровенія.

Изъ происхожденія идеи о Безконечномъ открывается истинность или реальность ея (objecbiva realitas). Намъ слѣдуетъ разрѣшить вопросъ: существуетъ-ли предметъ, соотвѣтствующій идеѣ о Безконечномъ? или она есть только произвольное произведеніе воображенія, одна мечта? или чистое ничто? Нѣтъ, идея о Безконечномъ не есть плодъ одного воображенія, но имѣетъ предметъ внѣ себя дѣйствительно существующій. Декартъ, говоря, что о всемъ должно сомнѣваться, нашелъ несомнѣннымъ прежде всего собственное свое мышленіе и сознавалъ, что мысль его не совершенна и лучше было бы, если бы она была совершенною. Слѣдовательно Декартъ имѣлъ уже понятіе о совершенствѣ и отъ несовершенства мыслей и отъ внутренняго желанія совершенства опыхъ заключалъ къ бытію Существа Совершеннѣйшаго. Когда ему возразили, что отъ мышленія не слѣдуетъ заключать къ дѣйствительному бытію, и что съ представленіемъ какой нибудь химеры,—(сфинкса) нельзя соединять еще дѣйствительнаго бытія сей химеры, то онъ отвѣчалъ на это такъ: поэтическіе вымыслы (каковъ сфинксъ), по сознанію самыхъ поэтовъ, произвольны и не имѣютъ такой всеобщности и необходимости, какую имѣетъ идея о Безконечномъ: она не произвольна, всегда и всѣмъ принадлежитъ, слѣд. не есть игра воображенія. Не можно ли ей родиться изъ ничего? изъ ничего не бываетъ ничего, и самые вымыслы воображенія составляются изъ данной матеріи; новость въ нихъ только въ сочетаніи частей. Вымыслъ идеи не возможенъ, ибо чувственный опытъ не даетъ для сего

элементовъ. Посему, когда идея происходитъ не отъ насъ, не отъ міра внѣшняго, и не есть произведеніе воображенія: то происходитъ изъ соотвѣтствующаго ей предмета, и слѣдовательно сей предметъ существуетъ. Далѣе, когда посмотримъ на дѣйствіе сей идеи внутри насъ, то увидимъ въ себѣ постоянное и независящее отъ конечныхъ вещей стремленіе къ Безконечному. Она невольно дѣйствуетъ въ насъ, побуждаетъ насъ искать предмета соотвѣтствующаго сей идеѣ въ Безконечномъ. Какъ она ни бываетъ подавлена въ человѣкѣ, но сила, стремящаяся всегда къ Безконечному, открывается весьма часто въ насъ, мы ощущаемъ дѣйствія ея невольнымъ образомъ такъ, что никакъ не можемъ, исторгнуть ее изъ себя, хотя иногда можемъ заглушить ее, а посему, взять когда мы идеи сами по себѣ извнѣ и извнутри собрать и воображеніемъ составить не можемъ, слѣдуетъ заключить, что есть предметъ, соотвѣтствующій сей идеѣ.

Когда есть предметъ, соотвѣтствующій прирожденной намъ идеѣ о Безконечномъ, то слѣдуетъ вопросъ: гдѣ искать Безконечнаго и какого рода оно?

Всѣ существа двоякаго рода—разумныя или неразумныя, или что тоже, есть міръ видимый, тѣлесный и невидимый—духовный, поэтому Существа Безконечнаго конечно можно искать или въ мірѣ чувственномъ, или въ духовномъ, въ себѣ самихъ и въ существахъ подобныхъ намъ. Если не найдемъ ни въ томъ, ни въ другомъ, то Безконечное превыше и внѣ міра. Міръ видимый, будемъ ли мы разсматривать его, какъ цѣлое или по частямъ, не заключаетъ въ себѣ Существа Безконечнаго. Части міра не составятъ безконечнаго, ибо все въ мірѣ или только явленія (phoenomena) или сокровенныя силы (νοούμενα, substantiae). Феномены не могутъ быть Существомъ Безконечнымъ, ибо они ограничиваются предѣлами пространства и времени, т. е. привязаны къ тому или другому мѣсту, являются въ то или другое время, измѣняются и проходятъ. Были философы, кои полагали, что Безконечное находится въ отдаленнѣйшихъ и сокровеннѣйшихъ силахъ природы. Но сіи первородные элементы, будутъ ли это тончайшіе атомы или нѣкая сила свѣтлая эоирная, т. е. невидимыя, впрочемъ, въ пространствѣ

и времени дѣйствующія силы (какъ то: огнь, вода, воздухъ),—поелику всѣ подлежатъ измѣреніямъ пространства и времени, воспящаются, раздѣляются, возрастаютъ, умаляются, не суть также Безконечное. Сверхъ того Безконечное должно быть безконечнымъ не только по бытію, но и совершенствамъ; но атомы не имѣютъ ни того ни другаго.

Другіе философы думали, что если міръ не можетъ быть названъ Безконечнымъ по частямъ, то должно по крайнѣй мѣрѣ приписать ему, взятому въ цѣлости, неизмѣримость и вѣчность. Но нельзя допустить сего мнѣнія потому, что цѣлость вселенной составлена изъ частей; но если части конечны, то и цѣлое должно быть конечное. Изъ множества нулей все будетъ нуль. Если каждое звѣно въ мірѣ ограничено; то и цѣлое будетъ ограничено; изъ существъ же ограниченныхъ не сдѣлаемъ неограниченнаго. Безконечное должно быть единое, но вселенная есть множественность существъ. Если предположить міръ вѣчнымъ, то выдетъ нелѣпость; ибо та вѣчность, которая протекла до извѣстнаго пункта времени болѣе той, которая протекла послѣ, прошедшая вѣчность долѣе настоящей, слѣдов. одна вѣчность долѣе другой, а такія двѣ части вѣчности сложенныя вмѣстѣ будутъ ли истинно Безконечное!

Предположеніе, что въ мірѣ живетъ и дѣйствуетъ или духъ невидимый, все проницающій, всѣмъ управляющій, какъ душа въ тѣлѣ, также несправедливо и не даетъ истиннаго понятія о Существѣ Безконечномъ, свободномъ. Ибо такая сила связывается міромъ такъ, что внѣ его не можетъ, дѣйствовать не можетъ высвободиться и отдѣлиться отъ него въ немъ и съ нимъ пребываетъ (immanet). Пантеизмъ далѣе сихъ утонченостей не восходитъ, прикрѣпивъ перво—причину—къ произведенію, онъ представляетъ Божество причиною не превышающею, но имманентною (causa mundi, mun supra—mundana, sed immanens). Итакъ ни части, ни цѣлое міра, ни всеобщая сила жизни не есть Безконечное Существо.

Станутъ ли искать Безконечнаго въ существахъ разумныхъ, но и здѣсь нельзя найти Его. Міръ духовный составляютъ души наши и духи безтѣлесные. Фихте утверждалъ,

что человѣкъ кромѣ, условнаго и эмпирическаго *я*, имѣетъ еще *я* безусловное, изъ себя производящее все существующее. Но душа наша не можетъ быть Безконечнымъ Существомъ. Она въ бытіи и дѣйствіяхъ своихъ ограничена временемъ; она ясно различаетъ время, когда начала мыслить и вообще существовать и продолжая мышленіе, она въ дѣйствіяхъ своихъ многое теряетъ, многое пріобрѣтаетъ, сверхъ сего, какъ существо заключенное въ тѣлѣ, она ограничивается и пространствомъ. Даже въ самомъ стремленіи своемъ къ Безконечному она не можетъ долго оставаться, но должна возвращаться къ неразрывному своему спутнику тѣлу. Въ душѣ касательно совершенствъ вездѣ ограниченія, въ познаніяхъ ея то пріобрѣтеніе, то утраты, въ желаніяхъ непостоянство и превратность. Если бы всѣ совершенства, свойственныя Существу Безконечному, находились въ нашемъ безусловномъ *я*, то какъ душа могла бы перейти въ то бѣдственное состояніе, въ какомъ мы нынѣ находимъ ее. А изъ сего заключаемъ, что душа наша не есть Безконечное. Что сказано о душѣ, тоже можно сказать и объ Ангелахъ; и они ограничены, какъ по бытію, не имѣя начала его отъ себя самихъ, такъ и по совершенствамъ, даннымъ имъ, слѣд. и они не безконечны. Одинъ Богъ, который превыше міра видимаго и невидимаго, есть Существо Безконечное.

Кромѣ единаго Безконечнаго имѣютъ бытіе и существа конечныя, послѣднія необходимо должны быть поставлены въ какомъ либо между собою соотношеніи. Итакъ здѣсь нужно разсмотрѣть, а) какое отношеніе имѣетъ Безконечное къ конечному? Прежде чѣмъ рѣшимъ этотъ вопросъ, покажемъ, существуетъ ли кромѣ Единаго Безконечнаго другія конечныя существа. Очевидность опыта не позволяетъ отрицать это. Но были философы, которые отвергали всѣ свидѣтельства опыта, дѣйствительное бытіе конечныхъ существъ. Ксенофанъ, имѣвшій многихъ послѣдователей, всѣмъ вещамъ приписывалъ бытіе не дѣйствительное, а только кажущееся и допускалъ одно существенно реальное бытіе, абсолютное; первое кажущееся бытіе онъ называлъ τὸ fieri, а послѣднее τὸ esse. Спиноза приписывалъ истинное бытіе одной субстанціи, которая служитъ основаніемъ всему и есть

единое, самобытное существо, самодовольное; Ксенофанъ кажущемуся бытію τὸ fieri противоположилъ истинное бытіе τὸ esse, представляя подъ первымъ чувства, движеніе мыслей и проч., гдѣ одно чувствованіе смѣняется другими, одно движеніе слѣдуетъ за другими, одна мысль порождаетъ другую. Когда мы, по ученію Ксенофана, пробѣгая такой рядъ явленій, ищемъ ихъ причины, то во всемъ ряду не находимъ существа, которое заключало бы въ себѣ бытіе всего и съ котораго начиналось бы все; для измѣняемаго бытія (τὸ feiri) есть бытіе (τὸ esse) неизмѣняемое, истинная субстанція, единое основаніе, самостоятельное внутреннее основаніе всего кажущагося. Къ сему бытію (τὸ esse) относится кажущееся бытіе какъ къ положительному отрицательное, или какъ случайное къ субстанціи, какъ ограниченное къ существеннѣйшему (τὸ realissimum). Этого мнѣнія держался Спиноза, утончая его. Богъ, по его мнѣнію, есть средоточіе свѣта, окружающія его существа суть только отраженіе его; такъ радуга имѣетъ видъ и цвѣта, но не имѣетъ въ себѣ центра, посему и есть только одна видимость, призракъ. Правда, въ этомъ ученіи видимъ съ одной стороны благоговѣніе къ Существу Безконечному, Высочайшему, когда признается все ничтожнымъ предъ нимъ, но съ другой стороны открываются здѣсь двѣ несообразности 1) понятіе о Существѣ Безконечномъ, единомъ источникѣ жизни унижается; 2) сознаніе подрывается. Сознаніе есть зерцало; въ которомъ отражается наша дѣятельность. и тотъ и другой въ своихъ умствованіяхъ заблудились; непререкаемое свидѣтельство опыта совершенно уничтожается. 1) Унижается понятіе о Существѣ Высочайшемъ. По мнѣнію этихъ мыслителей Богъ есть существо всесовершенно (Ens realissimum vel substantia absoluta), но Онъ, если можно такъ сказать, трудится надъ сотвореніемъ призраковъ, ничтожностей, (такими признаютъ они всѣ существа, кромѣ Бога) изъ коихъ ни одно съ вѣчной причиной не имѣетъ ни малѣйшаго подобія: такое представленіе о Божествѣ недостойно Его, Оно какъ всесовершенное и творитъ все лучшее, особенно когда оно творитъ все только по собственной благой своей волѣ, чтобы и въ конечныхъ существахъ отражались совершенства Его въ той мѣрѣ, въ ка-

кой возможно вмѣстить существамъ ограниченнымъ. 2) Уничтожается свидѣтельство опыта. или сознаніе. Хотя умъ человѣческій имѣетъ идею о Безконечномъ, но смотря на себя онъ сознаетъ себя существомъ отдѣльнымъ отъ идеи, началомъ дѣйствующимъ изъ себя, все соединяющимъ, имѣющимъ бытіе продолжительное, постоянное, съ самимъ собою тожественное. Но все зависящее отъ Существа Высочайшаго относительно. Существа конечныя хотя и имѣютъ нѣкоторое слабое подобіе и сходство съ Существомъ Безконечнымъ, но вмѣстѣ остаются ограниченными. Итакъ сознаніе наше показываетъ, что кромѣ Единаго Безконечнаго есть существа конечныя, имѣющія отдѣльное бытіе, удѣленное имъ отъ самосущаго. И хотя умъ сознаетъ себя въ разное время зависящимъ отъ внѣшности, но онъ зависитъ отъ единаго внутренняго начала сознанія, сіе то сознаніе внутреннее внушаетъ ему, что онъ имѣетъ бытіе удѣленное отъ Существа безконечнаго. Все это показываетъ, что есть Богъ и что есть другія существа отъ Него зависящія.

Здѣсь надобно замѣтить, что дѣйствительное бытіе всѣхъ сотворенныхъ существъ не необходимо, какъ необходимо бытіе Существа Безконечнаго, которое иначе не было бы Безконечнымъ; сотворенныя же существа могутъ быть и не быть, и бытіе ихъ зависитъ отъ благой воли Творца, а не отъ какой либо необходимости; если бы они были необходимо существующими, то они не имѣли бы никакой зависимости отъ Существа Безконечнаго.

Хотя внѣ Существа Безконечнаго имѣютъ бытіе существа конечныя, но они ограничены, какъ по бытію, такъ и по совершенствамъ. Если бы конечныя существа не имѣли ограниченности, какъ по бытію (essentia), такъ и по совершенствамъ (existentia), то нельзя было бы представлять ихъ отдѣльными отъ существа Безконечнаго. Слѣд. они сами были бы безконечны, что невозможно.

Теперь естественно раждается вопросъ: въ чемъ должна состоять ограниченность существъ конечныхъ, какъ по бытію, такъ и по совершенствамъ? Ограниченность есть существенное (reale) бытіе, соединенное съ небытіемъ. Когда разсмотримъ существа конечныя, то найдемъ, что въ нихъ есть нѣчто существенное и вмѣстѣ носящее характеръ ничтожества; сущест-

венное въ вещахъ есть нѣчто внутреннее, самостоятельное, но вмѣстѣ ограничиваемое предѣлами пространства и времени. Эти существенности вещей или ихъ внутреннія силы должны быть субстанціи, но все же многія, а неодна, какъ говоритъ Спиноза. Теперь спрашивается: что такое субстанція въ существахъ конечныхъ, и какое ихъ ограниченіе? Субстанціи противополагаются явленіямъ или феноменамъ, отличительнымъ свойствомъ которыхъ служитъ случайность, измѣняемость, по отношенію ко времени, внѣшность по пространству (феномены суть нѣчто поверхностное, не внутренное, объемлемое чувствомъ). Но не будетъ и небыло бы явленій, если бы не было силъ, производящихъ явленія; итакъ въ каждомъ ограниченномъ существѣ должно быть внутреннее, средоточное начало, само себѣ равное, постоянное при всѣхъ внѣшнихъ явленіяхъ, на коемъ бы основывались и держались случайныя, измѣняющіяся явленія, это и есть субстанція, или начало внутреннее, само изъ себя дѣйствующее, на которомъ держатся всѣ феномены. Эти субстанціи, имѣющія въ себѣ какъ бы подобіе неизмѣнямости Существа Единаго, Всесовершеннаго (Ens realissimum) суть вмѣстѣ субстанціи ограниченныя: Самостоятельность удѣлена имъ отъ Существа Самосущаго и слѣдовательно самостоятельность ихъ зависящая отъ другаго самосущаго, относительная. Относительна она потому, что нѣтъ ни одной ограниченной субстанціи, которая бы сама изъ себя не зависимо могла раскрывать свою дѣятельность, всякая субстансція зависима не только отъ Существа Безконечнаго, но и отъ внѣшнихъ предметовъ, съ коими она поставлена въ необходимомъ соотношеніи. Каждая субстанція и всѣ въ совокупности имѣютъ начало, — имъ не принадлежитъ вѣчность; ибо они преемственно раскрываютъ, свои силы, но въ вѣчности нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго, въ ней одно настоящее. Скажутъ, что рядъ дѣйствій преемственныхъ вѣченъ. Но это опровергается тѣмъ, что 1) цѣлое безконечное не можетъ составиться изъ частей конечныхъ, безконечное время не мыслимо. Ибо каждое дѣйствіе имѣетъ начало, средину и конецъ. Мы можемъ счислять время, одну часть его называемъ прошедшимъ, другую имѣющимъ впредь послѣдовать, и сознаніе наше увѣряетъ насъ, что мы и при раздѣленіи частей времени должны приз-

навать одно время большимъ другаго, а другое мѣньшимъ, болѣе краткимъ 2) Весь міръ не стоитъ того, что бы онъ существовалъ безъ начала, по вмѣстѣ съ тѣмъ міръ не есть совершенное ничто; ибо Богъ не есть нѣчто уединенное, нераскрывающее совершенствъ своихъ въ своемъ твореніи, ибо совершенства его достойны того, чтобы имъ проявляться внѣ, отъ вѣка; посему пріемлющій слабое подобіе не есть безконечно вѣченъ, ибо единымъ благоволеніемъ Божіимъ существуетъ, и если бы не было въ немъ Богоподобія, то не было бы и безсмертія. Итакъ субстанціи ограничены по бытію, по совершенствамъ и по концу. По бытію ограничены; ибо не сами себѣ дали бытіе, но получили оное отъ Безконечнаго; наше собственное сознаніе свидѣтельствуетъ, что душа наша существуетъ не отъ вѣчности, но во времени получила свое бытіе свое начало и законъ для дѣйствованія; по совершенствамъ и по силамъ ограничены, ибо силъ своихъ на все простирать не могутъ; всякая субстанція имѣетъ нужду въ поддержаніи; по концу ограничены; ибо не содержатъ въ себѣ причины пребываемости въ вѣчность; онѣ носятъ образъ вѣчности и вмѣстѣ связаны пространствомъ и сами собою, одна субстанція часто въ дѣйствіяхъ своихъ встрѣчается съ другою, и одна другой препятствуетъ, онѣ ни какъ не могутъ собою всего объять такъ, какъ объемлетъ умъ Божественный, и существуютъ единственно по благости, а не по необходимости. И такъ одно только Безконечное Существо не ограничено по бытію и совершенствомъ. Спиноза вопреки тому, что одно Безконечное неограниченно по бытію, говоритъ, что недолжно цѣнить существъ по продолженію времени, но по внутреннимъ ихъ совершенствамъ, и что міръ видимый, хотя по совершенствамъ ниже единой Безконечной Субстанціи, но по бытію совѣченъ ей. Положимъ, что міръ вѣченъ; но поелику мы знаемъ, что Богъ выше міра по совершенствамъ, въ чемъ Спиноза согласенъ, то почему же Богъ не можетъ быть превѣчнѣе и вѣчности міра? Спиноза опять говоритъ, что какъ сіяніе или лучи солнца, происходящіе отъ него, необходимо сосуществуютъ солнцу: такъ и міръ сусуществуетъ Богу, отъ вѣчности, потому что онъ явленіе или отблескъ славы Божества. Но ужели всесовершенное и самодовольное Су-

щество можетъ имѣть нужду или недостатокъ въ необходимомъ сосуществованіи существъ несовершенныхъ? Лучше сказать, что Богъ для міра необходимъ, а міръ для Бога не необходимъ. Далѣе, происхожденіе міра вообще и всѣхъ существъ въ частности доказывается собственнымъ сознаніемъ каждаго, т. е. что мы съ извѣстнаго предѣла времени начали понимать самихъ себя, а посему и говоримъ, что и другія конечныя существа съ извѣстнаго предѣла времени начали понимать самихъ себя, а посему и говоримъ, что и другія конечныя существа съ извѣстнаго времени существуютъ,— опытъ насъ увѣряетъ, что мы получили начало во времени, но одинъ опытъ здѣсь не устоитъ. Намъ скажутъ, что прежде нежели пробудилось наше сознаніе, душа наша существовала отъ вѣчности только не въ такомъ видѣ, въ какомъ она теперь находится. Прежде состоянія усыпленія она находилась въ состояніи бодрствованія, объ немъ мы не знаемъ, какъ стихотворствуетъ Платонъ, говоря о предсуществованіи душъ. Поэтому неужели можно утверждать о происхожденіи другихъ существъ во времени, когда подлинно не знаемъ начала существованія нашей собственной души? Положимъ, что душа наша, какъ и другія существа начали существовать прежде нашего дѣйствительнаго бытія; откуда бы она принесла съ собою идею о Безконечномъ, если бы не получила отъ самаго Безконечнаго? Говоря такимъ образомъ о бытіи души нашей, во времени начавшейся и существующей ограниченно, тоже должно сказать и о прочихъ существахъ міра. Итакъ они ограничены по началу бытія, котораго они не могутъ дать сами себѣ, и по продолженію бытія, такъ какъ они не могутъ вполнѣ раскрыть себѣ, и по концу — ибо цѣль бытія ихъ есть Богъ;по совершенствамъ также ограничены, предѣлами пространства и времени также связаны. Одно только Безконечное Существо не ограничено, какъ по бытію, такъ и по совершенствамъ. Это открывается изъ сравненія существъ духовныхъ съ матеріальными, изъ которыхъ одни имѣютъ болѣе совершенствъ, чѣмъ другіе. Одни существа имѣютъ только бытіе, другіе бытіе и чувства, иные же бытіе, чувства и умъ. Но создавшій ихъ долженъ быть безконечно совершеннѣе ихъ, или точнѣе вполнѣ совершенъ. Всѣ со-

вершенства усматриваемыя въ существахъ конечныхъ, мы приписываемъ Существу Безконечному, въ степени высочашей, безграничной, какъ-то: всевѣдѣніе, премудрость святость, всеблагую волю. Обращаясь къ существамъ конечнымъ, мы видимъ, что и они имѣютъ нѣкоторое подобіе и сходство съ Высочайшимъ Существомъ, участвуютъ въ нѣкоторыхъ Его совершенствахъ; многимъ изъ нихъ мы приписываемъ разумъ и волю. Но были философы, которые отрицали бытіе разума и свободной воли въ существахъ конечныхъ. Такъ матеріалисты старались объяснить всю дѣятельность души нашей изъ матеріи и ея движенія, совсѣмъ отвергая въ человѣкѣ душу, т. е. разумъ и волю. Но какъ бы могли мы сознавать душу свою субстанціей, единымъ началомъ дѣйствующимъ, если бы кромѣ чувственныхъ впечатлѣній, производимыхъ на насъ отвнѣ, мы не имѣли внутри себя начала жизни постояннаго, единаго при всѣмъ измѣненіяхъ со стороны физической; матеріальное никакъ и никогда не доведетъ насъ до сознанія о единомъ. Сверхъ сего нельзя объяснить изъ матеріи свободы, по которой мы можемъ по своему произволу прерывать одинъ рядъ дѣйствій и начинать другой. Движеніе есть дѣйствіе механическое, не свободное, гдѣ какъ въ цѣпи одно звѣно связано съ другимъ, одно дѣйствіе необходимо производитъ и опредѣляетъ другое.

Пантеисты также опровергаютъ собственное дѣйствованіе духовныхъ силъ. По ихъ мнѣнію, какъ внѣшнія, физическія наши движенія производятся единой Абсолютной Субстанціей, такъ и мышленіе наше есть видоизмѣненіе мышленія той же Субстанціи. Слѣд. всѣ наши дѣйствія суть только рядъ необходимыхъ послѣдованій, опредѣляемыхъ одною вседѣйствующею субстанціею, гдѣ совсѣмъ уничтожается свободная воля существъ разумныхъ. Это мнѣніе опровергается двоякимъ образомъ: 1) свидѣтельствомъ сознанія, 2) общимъ понятіемъ отношенія существъ конечныхъ къ Безконечному.

1) Что въ насъ есть собственное дѣйствованіе духовныхъ силъ—разума и воли, въ этомъ твердо увѣряетъ насъ сознаніе. Есть въ насъ разумъ, построевающій собственную сферу мыслей, которыя онъ или раздѣляетъ, или соединяетъ; мы непривязаны совершенно къ впечатлѣніямъ чувствен-

нымъ, но свободнымъ мышленіемъ приводимъ ихъ къ единству. Какой философъ могъ бы построить что либо систематическое въ своихъ мысляхъ своихъ, если отвергнуть собственное дѣйствованіе его разума? Что касается до воли, то опровергаютъ ея самоопредѣленія такимъ образомъ: связь причинъ, побуждающихъ насъ къ дѣятельности такъ сплетена въ насъ, что мы сначала не примѣчаемъ ихъ, но спустя нѣсколько времени мы открываемъ ихъ въ насъ же самихъ. Посему говорятъ, что свобода есть обманъ, самообольщеніе, и причиною сего есть наша не дальновидность. Положимъ, что на дѣятельность души нашей вліяютъ причины, постороннія силы, которыя опредѣляютъ насъ къ тому или другому дѣйствію, и по опыту извѣстно, что мы можемъ стать выше вліянія этихъ причинъ и дѣйствовать по произволу; бываетъ даже и такъ, что душа, увлекаемая какимъ либо чувственнымъ побужденіемъ, дѣйствуетъ вопреки ему, хотя это и стоитъ ей большихъ усилій. Все это показываетъ, что человѣкъ свободенъ по разуму и волѣ.

Во 2-хъ это же доказывается общимъ понятіемъ отношенія существъ конечныхъ къ Безконечному. Чтобы существо конечное существовало, оно должно выражать въ себѣ подобіе Существа Безконечнаго и всегда стремиться къ нему, какъ своему единому началу. Но думать, что вещи суть только неудачные опыты проявленій Безконечнаго, не сообразно съ тѣмъ намѣреніемъ или цѣлію для которой всѣ существа созданы Богомъ, и твореніе міра было какъ бы по нуждѣ. Цѣль существъ конечныхъ—имѣть участіе въ совершенствахъ безконечныхъ. Итакъ конечныя существа имѣютъ собственное и произвольное дѣйствованіе въ силахъ своихъ.

Но сіе дѣйствованіе, не смотря на совершенства дарованныя отъ Бога человѣку, т. е. не смотря на слабый образъ и подобіе его, ограниченно, или вообще существа конечныя въ своихъ совершенствахъ ограничены, какъ по началу и продолженію, такъ и по концу. Извѣстно, что существа конечныя не отъ вѣчности, но во времени получаютъ отъ Бога разумъ и волю. Ограничены по посовершенствамъ. Богъ для ихъ дѣйствованія есть идеалъ, первообразъ, Его ра-

зумъ первообразъ для познавательной способности, благость служитъ идеаломъ для ихъ воли; они имѣютъ нужду въ непрестанномъ поддержаніи отъ Бога такую же, какую мы имѣемъ въ воздухѣ. Ограничены по концу—Богъ есть послѣдній конецъ ихъ, къ Нему единому должны непремѣнно быть устремлены всѣ мысли, и дѣйствія воли какъ къ полнотѣ совершенствъ. Въ томъ и состоитъ назначеніе существъ конечныхъ, чтобы они не обладали полнотою совершенствъ, а непрестанно стремились къ этой къ полнотѣ. Разсматривая душу нашу, мы видимъ, что духовныя совершенства наши стѣснены,—разумъ подвергается различнымъ заблужденіямъ, воля увлекается страстями. Итакъ существа ограниченныя при совершенствахъ, данныхъ имъ отъ Бога, не имѣютъ той свободы, съ каковою Онъ дѣйствуетъ Самъ. Имъ не принадлежитъ свобода полная, устремляющаяся единственно къ добру, охотно съ радостію, безъ всякихъ принужденій и колебаній; имъ даны одни начатки свободы и предложены два пути, путь добродѣтели и путь порока. Всякое совершенство въ конечныхъ существахъ относится къ Безконечному, какъ жажда, голодъ, желаніе, стремленіе относятся къ полнотѣ всѣхъ совершенствъ. Стремленіе есть чувство недостатка и ощущеніе блага, къ коему имѣемъ стремленіе отъ природы; такъ и свобода, борющаяся съ противоположными влеченіями чувственности, стремится къ цѣли. Святость—свободное выраженіе нравственнаго закона во всѣхъ дѣйствіяхъ, ничѣмъ не возмущаемое, намъ не принадлежитъ, а въ насъ есть одно токмо стремленіе къ святости, добродѣтели. Посему и блаженство принадлежитъ единому Богу, а разумнымъ существамъ принадлежитъ стремленіе къ оному;—сочетаніе богатства и недостатка, вотъ удѣлъ природы человѣческой! Съ одной стороны представленіе блага, съ другой стороны чувствованіе недостатка возбуждаетъ стремленіе. Сія борьба и стремленіе не прекратится и въ будущей жизни; и тамъ не будемъ обладать полною святостію, будемъ только приходить отъ славы въ славу, и все будетъ стремленіе къ цѣли, а не достиженіе. Одинъ Богъ вполнѣ обладаетъ совершенствами, а существо конечное стремится только къ онымъ, приближается;—но вотъ доля существа конечнаго,—недостигаетъ

Какъ сравнивать конечное съ Безконечнымъ, дабы одно съ другимъ не смѣшивать. Для сего мы приписываемъ Безконечному бытіе совершеннѣйшее, т. е. утверждаемъ, что ему единому принадлежитъ сила, коей дѣйствованіе не ограничивается предѣлами пространства и времени; не свя-ызывается сила сія пространствомъ, слѣд. не отягощается тѣломъ, которое есть матерія, связующая силу, какъ бы нѣкоторымъ ея противодѣйствіемъ, а отсюда слѣдуетъ, что сія сила есть повсюду дѣйствующая, повсюду распростертая, все проницающая, невидимая полная, безтѣлесная, духовная; не связанная временемъ: ибо Ему принадлежитъ полное дѣйствованіе и бытіе,—т. е. вѣчность, безначальность, неизмѣняемость, нескончаемость. Далѣе сколько духу нашему позволено проникать, мы приписуемъ Безконечному—неограниченное вѣдѣніе и такую же волю. Вѣдѣніе Его на все простирается, на всѣ времена, на всѣ дѣйствія, на все бывшее, не существующее, на все даже возможное; когда вѣдѣніе сочетавается съ благою и совершенною Его волею, отсюда происходитъ высочайшая премудрость, цѣлесообразность устроенія всего и согласіе всего. Воля Его совершенна, свята, высочайше свободна. Святость есть высочайшее согласіе Его дѣйствій съ чистѣйшимъ закономъ нравственности. Итакъ одному Безконечному принадлежитъ вполнѣ не ограниченная мощь, премудрость и святость.

Сравнивая Его съ существами конечными, мы видимъ, что имъ принадлежитъ истинное бытіе, а не призракъ, но въ раскрытіи силъ связанное предѣлами пространства и времени. Есть въ нихъ отблески совершенствъ Его внутреннихъ, но они ограничены и относятся къ совершенствамъ Безконечнаго, какъ образъ слабый къ первообразу. Итакъ плодомъ сего предварительнаго ученія метафизическаго должно быть остановленіе взора нашего на томъ 1) что принадлежитъ Существу Безконечному, 2) что существамъ конечнымъ, и 3) какое ихъ между собою отношеніе, т. е. какъ послѣдніе могутъ приближаться къ первому

А посему Метафизика по существенному различію предметовъ должна состоять изъ трехъ частей. Прежде всего полагается основаніе или такое начало, на которомъ можно бы въ послѣдствіи опираться или ссылаться. Въ опытѣ позна-

нію предшествуетъ то, что дѣйствуетъ на чувства—внутреннее и внѣшнее. Но въ самомъ дѣлѣ, въ самомъ основаніи духа нашего идея о Безконечномъ прежде чувствъ въ насъ положена; а поелику основаніе міра физическаго и духовнаго есть въ Богѣ: то Метафизика начаться должна съ ученія о Богѣ. А посему первую часть составитъ Богословіе естественное Theologia naturalis, вторую составляютъ духовныя конечныя существа Psychologia или Pneumatologia, третью—существа тѣлесныя Cosmocogia. Въ мірѣ физическомъ мы не могли бы изъяснить ни цѣлесообразнаго устроенія, ниже тѣхъ безпорядковъ, кои служатъ ко благу, такъ и въ мірѣ духовномъ, напр. безсмертіе души, и пр.—если бы не имѣли предварительнаго понятія о Существѣ Безконечномъ, премудромъ и благомъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Втораго выпуска Лекцій Философіи.

ОНТОЛОГІЯ.

Введеніе.

Стран.

Исторія Онтологіи, необходимость и предметъ ея, части и ихъ расположеніе . . . . . 1—10

Первое отдѣленіе Онтологіи.

Всеобщія и коренныя свойства бытія конечнаго.

Бытіе вообще. Скептицизмъ, идеализмъ и реализмъ. Объективность чувственныхъ представленій. Пространство и время, какъ коренныя формы эмпирическаго познанія. Категоріи, какъ регулятивныя начала дѣятельности разума . . . . . 10—63

Второе отдѣленіе Онтологіи.

Ученіе о Безконечномъ.

Доказательство бытія въ духѣ нашемъ идеи Абсолютнаго и ея вліяніе на наши психическія силы. Происхожденіе идеи Абсолютнаго и ея объективность. Отношеніе бытія Абсолютнаго къ бытію конечному . . . . . 65—96